

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Амазония

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс

Амазония

«ЭКСМО»

Роллинс Д.

Амазония / Д. Роллинс — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-20462-5

В джунглях Амазонии находят белого человека с отрезанным языком. Он умирает, успев передать миссионеру жетон с именем Джеральда Кларка, спецназовца армии США. Джеральд Кларк был агентом разведки и пропал в Бразилии четыре года назад вместе с экспедицией, организованной специалистом по тропическим растениям Карлом Рэндом. Какие тайны хранит в своих девственных лесах самая загадочная область земного шара? Где находился Кларк целых четыре года? И какая судьба постигла остальных членов экспедиции?

ISBN 978-5-699-20462-5

© Роллинс Д.

© Эксмо

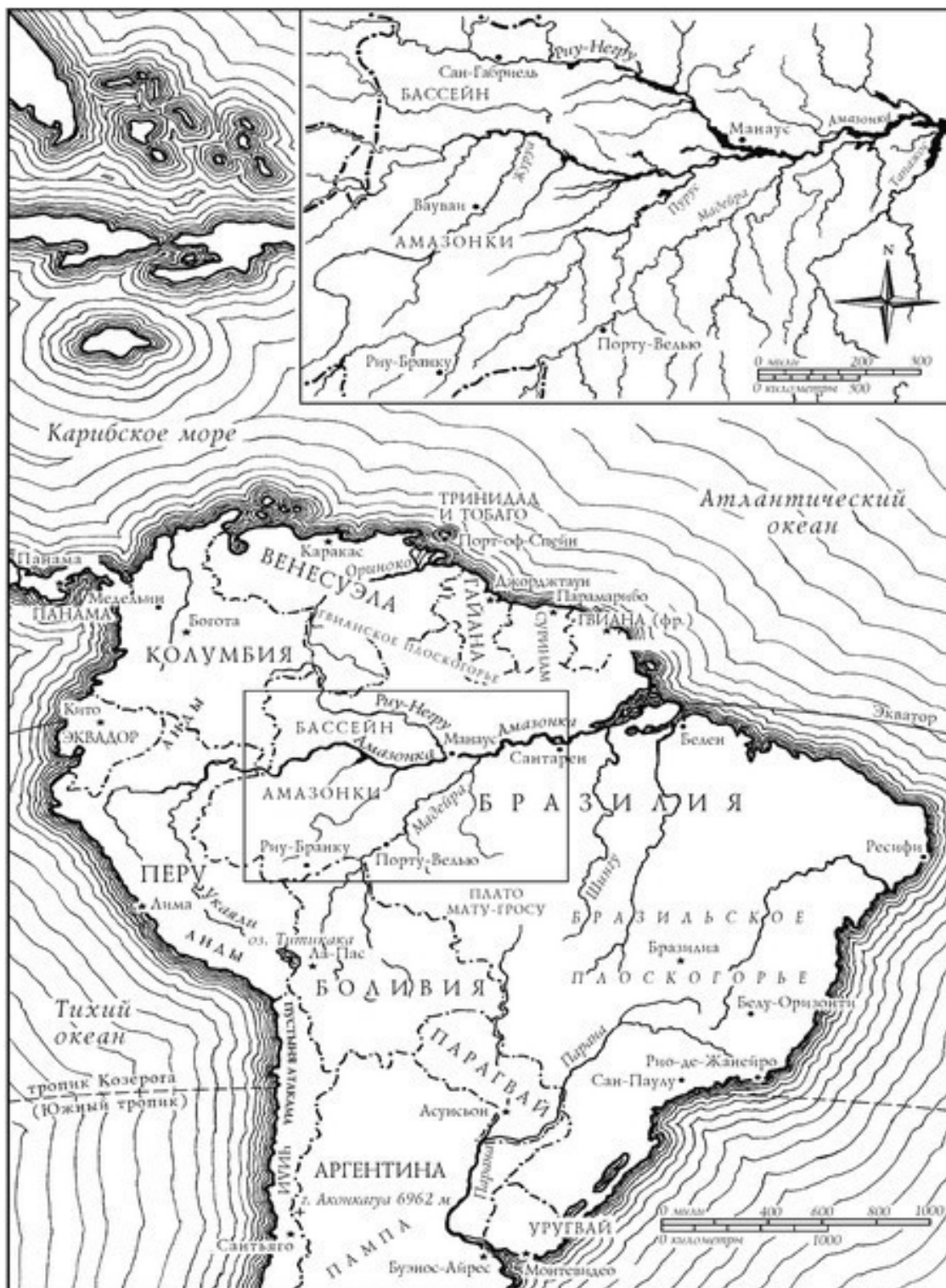
Содержание

Пролог	6
Действие первое	13
1	14
2	29
3	40
Действие второе	46
4	47
5	61
6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джеймс Роллинс

Амазония

Посвящается Джону Петти и Риксу Хуригану друзьям и соавторам

Пролог

25 июля, 18 часов 24 минуты

Миссионерское поселение

Бразильская Амазония

Падре Гарсия Луис Батиста усердно воевал с сорняками на церковном огороде, когда из джунглей, пошатываясь, вышел незнакомец. Из одежды на нем была только пара затасканных джинсов. Полуголый и босой, человек упал на колени между гряд прорастающей маниоки. На его побуревшей от загара коже виднелась татуировка в голубых и алых тонах. Приняв незнакомца за одного из местных индейцев-яномамо, падре Батиста сдвинул на затылок широкополую соломенную шляпу и поприветствовал его на языке аборигенов.

– Иоу, шори, – произнес падре. – Добро пожаловать в миссию Вауваи.

Человек поднял голову, и Гарсия сразу понял свою ошибку. Незнакомец был голубоглазым, что совсем не свойственно племенам Амазонии, и вдобавок с редкой темной порослью на подбородке.

Он был не индейцем, а белым.

– Бемвиндо, – предложил падре по-португальски, полагая, что перед ним очередной крестьянин с побережья, подавшийся в леса Амазонки в поисках лучшей доли и бесхозных угодий. – Добро пожаловать, друг мой.

Несчастный слишком долго плутал в джунглях – тощий, с торчащими ребрами и спутанными волосами, тело в порезах и ссадинах. Вокруг него с жужжанием роились полчища мух, то и дело садясь на открытые раны.

Едва незнакомец попытался заговорить, как из растрескавшихся губ по подбородку заструилась алая кровь. Мужчина пополз на коленях в сторону священника, протягивая руки в мольбе. Вместо слов у него вырывались жуткие, нечеловеческие хрипы.

Первым порывом Гарсия было оттолкнуть чужака, но он тут же вспомнил об обете, данном Всевышнему. Как добрый самаритянин, он не мог отказать заблудшему путнику и помог ему встать на ноги. Человек был до того истощен, что весил не больше ребенка. Даже сквозь рубашку падре чувствовал жар его тела, охваченного лихорадкой.

– Идемте, внутри будет не так жарко.

Гарсия повел человека к церкви – туда, где побеленная колокольня упиралась в небесную синеву. За колокольной, на расчищенной от леса земле вперемежку гнездились деревянные домики и хижины, крытые пальмовым листом.

Миссию Вауваи основали всего пять лет назад, однако число жителей – туземцев самых разных народностей – уже перевалило за восьмой десяток. Одни дома сооружались на сваях, как принято у индейцев-апалаев, другие, целиком из пальмовых ветвей, служили жильем племенам вауваи и тириос. Основную часть жителей, впрочем, составляли яномамо, которые селились общинами в круглых просторных постройках.

Гарсия махнул свободной рукой, чтобы подозвать стоявшего у садовой ограды индейца-яномамо по имени Хенаове – невысокого роста, в брюках и рубашке с длинным рукавом. Индеец помогал падре в церковных делах и теперь поспешил ему навстречу.

– Помоги мне внести его в дом.

Хенаове с готовностью кивнул и подхватил незнакомца с другой стороны. Держа мужчину под руки, падре с помощником протащили бедолагу за ограду, затем вокруг церкви к дощатой пристройке у южной стены. Здесь, в доме миссионера, стоял единственный в деревне газогенератор. От него работали освещение храма, холодильник и кондиционер – также один на всю деревню. Порой Гарсия подумывал, что его миссия обязана успехом не столько вере в Христа, сколько удивительной прохладе церковных покоев.

Едва добрались до пристройки, как Хенаове проскользнул вперед и распахнул заднюю дверь. Незнакомца втащили через столовую в дальнюю комнату. Когда-то тут размещались церковные служки, но теперь комната пустовала. Два дня назад младшие миссионеры отправились проповедовать в соседнюю деревню. Комнатка была тесной, не больше кельи, однако прохладной и укрывала от палящего солнца.

Гарсия кивнул индейцу, чтобы тот зажег светильник – электричество во вспомогательные комнаты не проводили. От яркого пламени во все стороны прыснули пауки и тараканы.

Вдвоем они подтащили человека к кровати.

– Помоги мне раздеть его. Я должен промыть и перевязать ему раны.

Хенаове кивнул и потянулся было к пуговицам на штанах незнакомца, как вдруг застыл на месте. Он судорожно охнул и отпрянул, словно увидел скорпиона.

– Вети кете? – спросил Гарсия. – Что случилось?

Глаза индейца округлились от ужаса. Он показал на голый торс белого человека и что-то затараторил по-своему.

Гарсия наморщил лоб.

– При чем здесь татуировка?

Голубые и красные цвета на коже образовывали почти правильные фигуры – круги, извилистые кривые и неровные треугольники. Посередине же змеилась алая спираль, стремящаяся к центру, точно струйка крови у водостока. В завитке спирали, чуть выше пупка, виднелся голубой отпечаток ладони.

– Шавара! – вскричал Хенаове, пятясь к выходу.

Злые духи. Гарсия повернулся к помощнику. Он-то думал, что индеец уже перерос прежние предрассудки.

– Брось, – отрезал Гарсия. – Это всего лишь краска, а не работа дьявола. Иди помоги мне.

Хенаове все еще трясся от ужаса и подходить не собирался.

Неизвестный застонал, и падре, нахмурившись, снова склонился над ним. Мужчину била крупная дрожь, взгляд остекленел от жара и лихорадки.

Гарсия пощупал его лоб и едва не обжегся. Он подозревал Хенаове.

– Принеси мне хотя бы аптечку и пенициллин из холодильника.

Индеец умчался, даже не скрывая облегчения.

Гарсия вздохнул. Десять лет прожив в амазонском лесу, поневоле приобретаешь кое-какие медицинские навыки: умение накладывать шины, промывать и смазывать раны, бороться с температурой. Он даже мог провести небольшую операцию вроде наложения швов или оказать помощь в родах. Будучи главой миссии, падре Гарсия не только поддерживал веру, но и брал на себя роль советчика, вождя и доктора.

Он снял с пациента обтрепанную одежду и отложил в сторону. Хватило одного взгляда на обнаженное тело, чтобы понять, насколько сурово и беспощадно обошлись с незнакомцем джунгли. Глубокие раны кишели червями-опарышами, ногти были начисто съедены грибом, а в шраме на лодыжке угадывался старый змеиный укус.

За работой падре гадал, кем мог быть этот человек. Что с ним случилось? Была ли у него семья? На все попытки заговорить с ним мужчина отвечал тем же диким, неразборчивым бредом.

Многие из крестьян, что пытались перебраться в джунгли, рано или поздно погибали от рук воинственных индейцев, бандитов, наркокурьеров или даже в зубах лесных хищников. Но самой банальной кончиной для них была смерть от болезней. В дикой глуши дождевого леса, где неоткуда ждать медицинской помощи, простой грипп может оказаться смертельным.

Внимание доктора привлек шорох ног у порога. Хенаове вернулся с аптечкой и ведром чистой воды. Но он был не один. Рядом стоял Камала, седой низкорослый шапори – шаман

племени яномамо. Хенаове, должно быть, бежал со всех ног, чтобы привести с собой этого знатока древней медицины.

– Хайя, – поприветствовал его Гарсия.

«Дедушка». Таково было типичное обращение к старейшине яномамо.

Камала, не говоря ни слова, шагнул внутрь и подошел к кровати. Он осмотрел незнакомца и прищурился, повернулся к Хенаове и жестом попросил его оставить ведро и аптечку. Затем шаман простер руки над прикованным к постели незнакомцем и принялся наговаривать. Гарсия хорошо знал многие туземные наречия, но тут он не мог различить ни слова. Закончив, Камала обратился к падре и сказал ему на отличном португальском:

– Этого набе коснулись шавара, злые духи лесных дебрей. Ночью он умрет. Ты должен сжечь тело до восхода солнца.

С этими словами Камала повернулся, чтобы уйти.

– Подожди! Скажи мне, что означает татуировка?

Камала обернулся, нахмурившись.

– Это знак племени бан-али, «ягуаров крови». Он – их собственность. Нельзя оказывать помощь «рабу ягуаров», бан-йи, иначе – смерть.

Шаман сделал оберегающий знак, подув на кончики пальцев, и удалился, уводя Хенаове с собой.

Оставшись один, Гарсия вдруг почувствовал озноб, который был вызван отнюдь не кондиционером. Он не раз слышал о бан-али, одном из самых таинственных племен-призраков джунглей. Его члены наводили ужас тем, что якобы породнились с ягуарами и могли творить невозможное.

Гарсия поцеловал распятие и отмел суеверные страхи. Вернувшись к ведру и лекарствам, он смочил губку в теплой воде и поднес ко рту пациента.

– Пей, – прошептал он.

В джунглях обезвоживание представляет наибольшую опасность для жизни. Падре сжал губку, и вода заструилась по растрескавшимся губам незнакомца. Тот принялся всасывать воду, словно младенец молоко матери, – жадно, давясь и захлебываясь. Гарсия приподнял его голову, чтобы пить было легче. Спустя несколько минут глаза незнакомца утратили горячий блеск. Он попытался прижать к себе губку с живительной влагой, но Гарсия не позволил – обильное питье после столь сильного обезвоживания могло навредить еще больше.

– Лежите, сеньор, – твердил он больному. – Дайте мне прочистить вам раны и сделать укол.

Человек, похоже, не внял сказанному. С тяжкими стонами он порывался добраться до губки.

Когда же Гарсия за плечи уложил его на место, мужчина охнул, и падре наконец понял, почему тот не мог говорить. У него был отрезан язык.

Морщась, Гарсия приготовил шприц с ампициллином и про себя помолился о душах тех извергов, которые вытворяли такое с людьми. Лекарство оказалось просроченным, но лучшего было не достать. Он впрыснул антибиотик в ягодицу больного, а затем стал промывать и смазывать раны.

Незнакомец то бредил, то приходил в себя. Будучи в сознании, он постоянно тянулся к своим лохмотьям, будто пытался одеться и вновь отправиться в джунгли. Всякий раз Гарсия укладывал его обратно и накрывал одеялом.

Когда солнце село и в джунглях наступила ночь, Гарсия взял Библию и принялся читать молитвы об исцелении, впрочем, хорошо понимая, что чуда не будет. Шаман Камала рассудил верно: незнакомец не доживет до утра.

Часом раньше падре соборовал больного на случай, если тот окажется одним из его братьев во Христе. Во время миропомазания бедняга поежился, но так и не очнулся. Его лоб

снова пылал. Антибиотики не смогли остановить распространение инфекции. Несмотря на безнадёжность ситуации, Гарсия не прекращал своего сумеречного бдения – последней помощи несчастному. Но ближе к полуночи, когда лес наполнился стрекотаньем кузнечиков и кваканьем бесчисленных лягушек, падре не выдержал и уснул прямо в кресле с Библией на коленях. Через несколько часов его разбудил стон умирающего. Решив, что тот борется за последний вздох, Гарсия вскочил и уронил Библию на пол. Нагнувшись за книгой, он встретил взгляд незнакомца. Глаза его по-прежнему блестели, но жар отступил. Человек вытянул дрожащую руку и снова указал на одежду.

– Вам нельзя идти, – сказал Гарсия.

Тот на секунду закрыл глаза, покачал головой и опять показал на брюки.

Гарсия сдался. Он не мог отказать в последней просьбе, пусть даже нелепой, а поэтому подошел к кровати, взял с пола мятые джинсы и вручил умирающему. Незнакомец схватил их и принялся ощупывать шов на одной из брючин с внутренней стороны. Потом его пальцы остановились, наткнувшись на что-то под тканью. Трясущимися руками он протянул брюки Гарсия. Падре решил, будто у умирающего опять начинается бред, так как его дыхание участилось и стало еще более хриплым. Тем не менее он уступил этой бессмысленной прихоти, взял брюки и осмотрел место, которое указал незнакомец. Как ни странно, в ткани обнаружилось уплотнение – что-то было спрятано в шов. Похоже, потайной карман!

Желая разузнать, что в нем, падре достал из аптечки ножницы. Тем временем незнакомец со вздохом откинулся на подушки, несомненно довольный тем, что его послание наконец найдено.

Орудя ножницами, Гарсия разрезал шов и добрался до тайника. Там лежал бронзовый круглый жетон. Падре вытащил его и поднес к свету. На жетоне было выгравировано имя.

– Джеральд Уоллес Кларк, – прочел он вслух. Неужели так зовут незнакомца? – Это вы, сеньор?

Он поглядел на кровать.

– Господи Иисусе, – вырвалось у священника.

Лежащий на койке смотрел в потолок невидящим взглядом – бездыханный, с раскрытым ртом. Падре благословил его.

– Покойтесь с миром, сеньор Кларк.

Гарсия опять поднес к лампе жетон и перевернул его. Когда же он прочитал слова на обороте, во рту у священника пересохло от страха.

«Войска специального назначения армии Соединенных Штатов».

1 августа, 10 часов 45 минут

Штаб-квартира ЦРУ

Лэнгли, штат Виргиния

У Джорджа Филдинга раздался неожиданный звонок. Заместителя директора ЦРУ часто вызывали на всякого рода межведомственные заседания, но получить приглашение от Маршалла О'Брайена, главы Контрольного комитета по охране окружающей среды, было событием из ряда вон выходящим. КоКООС создали еще в девяносто седьмом в качестве отдела разведки, занимавшегося проблемами экологии. На памяти Филдинга отдел ни разу не требовал срочного совещания. Такие меры были предусмотрены лишь на случай угрозы национальной безопасности. Что же могло напугать Одинокого Беркута – как О'Брайена за глаза называли коллеги, – чтобы он поднял такой переполох?

Филдинг быстро прошел фойе, которое связывало старое здание управления с более современным. Новый корпус был выстроен в конце восьмидесятых и вмещал множество молодых подразделений, включая КоКООС. По пути Филдинг поглядывал на картины, украшавшие стены длинного коридора, – портреты предыдущих директоров ЦРУ со времен генерал-май-

ора Донована. Тот возглавлял Управление стратегических служб – прототип ЦРУ эпохи Второй мировой. Когда-нибудь непосредственный босс Филдинга займет на стене свое место, и, если Джордж правильно разыграет сложившуюся комбинацию, именно ему достанется кресло директора.

С этой мыслью он вошел в новый управленческий корпус и, пройдя несколько залов, добрался до крыла с офисами КоКООСа. На входе его встретила секретарша. Поднявшись, она доложила:

– Господин заместитель, мистер О’Брайен ждет вас в своем кабинете.

Секретарша подошла к дверям красного дерева, постучала для порядка и толкнула дверь, придержав ее, пока новоприбывший не вошел.

– Спасибо.

Внутри Филдинга приветствовали рокошущим басом.

– Замдиректора Филдинг! Польщен, что прибыли лично. – Маршалл О’Брайен встал с кресла. У него были волосы с проседью и фигура Человека-Горы, перед которым даже письменный стол выглядел детской партией. Он указал на соседнее кресло. – Присядьте, пожалуйста. Я знаю, как ценно ваше время, поэтому буду краток.

«Всегда прямо к делу», – отметил про себя Филдинг. Четыре года назад поговаривали, будто Маршалла О’Брайена назначат директором ЦРУ.

Собственно, до Филдинга именно он занимал пост заместителя и непременно поднялся бы в должности, если бы не имел привычки требовать от сенаторов «говорить по делу» (чем отпугнул многих из них), а также резать правду-матку в глаза. Вашингтонские политики были не готовы играть в том же стиле, потому О’Брайена и перевели сюда, на символическую должность главы Комитета по охране окружающей среды.

Быть может, этим срочным звонком старикан желает прибавить себе важности, хочет показать, что до сих пор в строю?

– Что происходит? – спросил Филдинг, усаживаясь.

О’Брайен опустил в свое кресло и открыл серую папку, лежавшую на столе. «Чье-то досье», – отметил Филдинг.

Старик прокашлялся.

– Два дня назад в наше консульство в Манаусе прибыло тело гражданина Америки. Покойного опознали по личному жетону спецназа – его прежнего места службы.

Филдинг нахмурился. Личные жетоны встречались в самых разных родах войск; их носили скорее в знак уважения традиций, нежели как средство для опознания. На службе или нет, но боец подразделения обязан угостить товарищей выпивкой, если его застукают без жетона.

– А при чем здесь мы?

– При том, что этот парень не уходил в отставку. Он был одним из моих оперативников. Агент Джеральд Кларк.

Филдинг моргнул от неожиданности. Между тем О’Брайен продолжил:

– Агента Кларка послали работать под прикрытием в составе исследовательской группы. Он должен был проверить факты нанесения ущерба окружающей среде в ходе добычи золота, а также собрать данные о судоперевозках боливийского и колумбийского кокаина в бассейне Амазонки.

Филдинг напрягся.

– Его убили?

– Нет. Шесть дней назад агент Кларк появился в миссионерском поселке – в глуши, один, полуживой от жары и лихорадки. Глава миссионеров пытался вывести его, но безрезультатно: парень скончался через несколько часов.

– Мне искренне жаль. Только разве это угрожает нашей национальной безопасности?

– Дело в том, что агент Кларк уже четыре года числится пропавшим без вести.

О’Брайен протянул распечатку газетной статьи. Филдинг взял страницу, основательно сбитый с толку.

– Четыре года?

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ДЖУНГЛЯХ АМАЗОНКИ

Ассошиэйтед Пресс. 20 марта, Манаус, Бразилия.

Трехмесячные поиски миллионера-промышленника доктора Карла Рэнда и его команды из тридцати ученых разных стран, включая местных проводников, окончились неудачей. Научная группа, созданная на базе Национального института онкологии Соединенных Штатов и Бразильского индейского фонда, затерялась в тропическом лесу, не оставив никаких следов.

Целью годовой экспедиции была перепись индейского населения и подсчет количества племен, обитающих в лесах Амазонии. Однако спустя три месяца после отправления из Манауса ежедневные радиоотчеты с мест стоянок неожиданно прервались. Все попытки связаться с командой оказались напрасными. Вертолеты спасателей и наземные поисковые отряды обыскали район предполагаемого местонахождения экспедиции, но не нашли ни одного ее участника. Через две недели поступило последнее, полное отчаяния сообщение: “Пришлите подмогу... Нам не продержаться... Господи, они тут повсюду!..” Затем команда сгинула в джунглях.

Сейчас, после трех месяцев поисковых работ, привлечших внимание журналистов и спасателей всего мира, командор Фердинанд Гонсалес официально объявил участников экспедиции пропавшими без вести и, возможно, погибшими. Отряды были отозваны, поиски прекратились.

Власти пришли к заключению, что экспедиция натолкнулась на некое враждебно настроенное племя или же на секретную базу наркокурьеров. Так или иначе, все надежды спасти ученых сегодня уходят вместе с отрядами спасателей. Нельзя не отметить, что с каждым годом все больше первооткрывателей, исследователей и миссионеров пропадает в лесах Амазонии, притом пропадает навсегда».

– Боже правый...

О’Брайен взял вырезку из рук потрясенного Филдинга и продолжил:

– После исчезновения ни ученые, ни наш сотрудник не выходили на связь. Агента Кларка причислили к погибшим.

– А мы точно знаем, что это тот самый Кларк?

О’Брайен кивнул.

– Слепки зубов и отпечатки пальцев совпадают с архивными.

Филдинг покачал головой, понемногу оправляясь от потрясения.

– Все это, конечно, весьма прискорбно и неприятно, однако я по-прежнему не вижу, как это может угрожать безопасности страны.

– Верно, если бы не одно «но». – О’Брайен покопался в досье и выудил оттуда пару фотографий. – Эта была сделана незадолго до того, как он отправился на задание.

Филдинг взял карточку. На ней он увидел зернистое изображение человека в шляпе и гавайской рубашке с джинсами – тот держал стакан коктейля и широко улыбался.

– Агент Кларк?

– Да, снимок сделал один из ученых на вечеринке по случаю отъезда.

О’Брайен передал вторую фотографию.

– А эта из морга в Манаусе, где сейчас находится тело.

Филдинг принял ее с неохотой. У него не было никакого желания смотреть на трупы, но выбирать не приходилось. Голое тело на стальной поверхности выглядело как обтянутый кожей

скелет, испещренный странными символами. И все же Филдинг смог его узнать. Это был агент Кларк, хотя и с одной примечательной разницей. Филдинг взял первую карточку и сравнил.

О'Брайен, должно быть, заметил его внезапную бледность и потому пояснил:

– За два года до исчезновения агент Кларк был ранен снайпером в левую руку во время силовой разведоперации в Ираке. По пути к лагерю началась гангрена. Руку пришлось отнять у плеча, так что с военной службой для него было покончено.

– Но у тела в морге обе руки целы.

– В том-то и дело. Отпечатки пальцев второй руки совпадают со сделанными перед ранением. Такое впечатление, что агент Кларк ушел в джунгли с одной рукой, а вернулся с двумя.

– Не может быть! Что, черт возьми, с ним случилось?

Маршалл О'Брайен вперил в Филдинга знаменитый немигающий взгляд. Недаром его прозвали Одиноким Беркутом – перед ним даже заместителю директора захотелось по-заячьи юркнуть в кусты. Старикан тем временем понизил голос и произнес:

– Именно это я и собираюсь выяснить.

Действие первое ЗАДАНИЕ

КУРАРЕ

Семейство: Menispermaceae/луносемянниковые.

Род: Chondrodendron/хондродендрон.

Вид: Tomentosum/паутинистый.

Народное название: кураре.

Лечебные части: лист, корень.

Фармакологические свойства: мышечный релаксант; диуретическое, жаропонижающее, тонизирующее, отравляющее.

1

ПАНАЦЕЯ

6 августа, 10 часов 11 минут

Джунгли Амазонии

Бразилия

Анаконда все крепче стискивала девчушку-индианку, волоча ее к реке. Натан Рэнд услышал детский крик, когда возвращался в деревню яномамо после утреннего сбора лекарственных трав. Он уронил свою сумку с травами и бросился на помощь, вытаскивая из-за спины обрез-дробовик, который всегда брал с собой в джунгли.

Продравшись сквозь заросли, Натан увидел гигантскую змею и стиснутое в ее кольцах тело девочки. Анаконда – огромная, каких он прежде не видел, свыше сорока футов длиной, – полулежала на илистой отмели, влажно поблескивая черными кольцами. Должно быть, гадина притаилась у берега, когда маленькая индианка пришла сюда за водой. Змеям-гигантам вполне свойственно охотиться на самых разных зверей у водопоя – свиней-пекари, капибар, мелких оленей... Однако людей они предпочитают избегать.

Тем не менее, проработав десяток лет в джунглях в качестве этноботаника, Натан усвоил одно правило, а именно: голодному зверю все правила нипочем. Под нескончаемым зеленым шатром царил жестокий порядок, где сильный пожирал слабого.

Натан взглянул сквозь прицел и узнал девочку.

– Господи, Тама!

Так звали девятилетнюю племянницу вождя. Улыбчивое и счастливое дитя, она подарила Натану букет лесных цветов, когда он прибыл в деревню месяц назад, а потом частенько любила теревить волоски на его руках – редкость среди гладкокожих яномамо. Тама прозвала его «яко башо» – «братец обезьяна».

Закусив губу, Натан смотрел сквозь прицел. Трудно было рассчитывать на точный выстрел, пока девочка находилась в тисках смертоносного хищника.

– Чтоб тебе!

Он отшвырнул ружье и потянулся к мачете на поясе. Вытаскивая тесак, Натан ринулся вперед. Завидев его, змея заскользила прочь, увлекая девочку в темную воду. Крик маленькой пленницы оборвался, осталась лишь цепочка пузырей.

Не раздумывая, Натан кинулся в воду.

Из всех жизненных сред Амазонии ни одна не сравнится в опасности с водоемом. Его обманчиво мирная гладь таит бесчисленные угрозы. В толще роятся острозубые пираньи, в иле копошатся скаты, корни и коряги облюбовали электрические угри. Но всего хуже истинные человекоубийцы – черные кайманы, гигантские родичи крокодилов. Поэтому, что ни случись, амазонский индеец хорошенько подумает, прежде чем лезть в незнакомую реку.

Натан Рэнд не был индейцем. Глотнув воздуха, он шарил в мутной воде, пока не увидел впереди маленькую бледную руку среди плотной массы темных колец. Мощный толчок ногами, и он дотянулся до нее, крепко стиснув в ладони. Пальчики судорожно схватили его. Значит, Тама все еще жива!

Подтянувшись по ее руке, Нат добрался до змеи. Он снова вытащил мачете и попытался удержаться на месте, по-прежнему вцепившись в Таму.

Внезапно его закружило в мутном водовороте, и Натан очутился нос к носу с огромной гадиной, уставясь прямо в ее красные глаза. Та почуяла добычу покрупнее – гигантская пасть разверзлась и ринулась прямо на него. Нат увернулся, стараясь не упустить ребенка. Змеиные челюсти сомкнулись на его руке, словно капкан. Укус анаконды не ядовит, однако давле-

ние грозило раздробить запястье. Преодолевая боль и страх, Натан вытянул свободную руку с мачете и нацелился твари в глаза.

В эту секунду змея извернулась, швырнула Ната на скользкое дно и подмяла под себя. Натан почувствовал, как четырехсотфутовый чешуйчатый пресс выдавливает из него последний воздух. Он бился изо всех сил, но тщетно – вязкий ил не давал ни малейшей опоры.

В мельтешении колец пальцы девочки выскользнули из его руки, и он опять потерял ее из виду.

– Нет... Тама!

Нат отпустил мачете и обеими руками уперся в чешуйчатый узел. Он всей спиной завяз в мерзком речном иле и все же продолжал толкать. Однако за каждым сдвинутым кольцом оказывалось новое. Силы Ната иссякали, а легкие требовали воздуха. В этот миг Натан Рэнд понял, что пропал. Впрочем, мысль о конце не застала его врасплох – он уже давно с ней свыкся. Проклятие рода однажды должно было стать его судьбой. Двадцать лет прошло с тех пор, как джунгли отняли его родителей. Ему было одиннадцать, когда мать умерла от неизвестной болезни в одной из захудалых миссионерских лечебниц. За ней последовал отец – четыре года назад исчез в лесу, сгинул без следа.

К Нату вдруг вернулись боль и горечь тех времен, и душа его неожиданно взбунтовалась. Проклят или нет, он не пойдет по отцовской дорожке, не даст джунглям сожрать себя без остатка! А главное – не оставит им Таму!

С последним яростным криком Нат выдернул ноги из змеиных силков. Миг свободы – и он подогнул колени, оттолкнулся, уйдя по щиколотку в ил, а затем взмыл на поверхность. Снаружи он едва успел вдохнуть, как снова нырнул с головой в темноту – анаконда по-прежнему тянула его за руку. Но в этот раз Нат не собирался действовать силой. Он согнул локоть и ухитрился прижать змеиную морду к груди, образуя двуручный захват. Крепко держа тварь за голову, он начал давить ей на глаз. Змеюга забилась от боли, мгновенно выбросив Ната из воды, чтобы тотчас же с силой швырнуть обратно. Нат не поддавался.

– Пусти, тварь!

Он вывернул руку с повисшей на ней змеей, намереваясь придавить и второй глаз. Когда это удалось, оставалось лишь молиться, не разжимая пальцев, чтобы его скудные знания физиологии рептилий оправдали себя. Теоретически сжатие глазных яблок змеи приводило к раздражению зрительного нерва, тем самым включая у нее рвотный рефлекс.

Стук сердца раздавался у Ната в ушах, а он давил, давил и давил.

Внезапно тяжесть на запястье исчезла, и Ната неожиданно взметнуло вверх, да так, что он наполовину вылетел из воды и ударился плечом о берег.

Обернувшись, он увидел на поверхности бледную фигурку, плывущую вниз лицом по стремнину.

Тама!

Расчет оказался верным – висцеральный рефлекс анаконды освободил их обоих. Натан кинулся в воду и, схватив малышку за руку, подтянул к себе, неподвижную и обмякшую. Он взвалил Таму на плечо и быстро выбрался на берег, где уложил ее вымокшее тельце. Губы девочки посинели, она не дышала. Нат нащупал пульс, очень слабый и прерывистый. Он озирался вокруг, надеясь найти хоть кого-нибудь, но напрасно. Теперь жизнь Тамы зависела от него одного. Перед высадкой в джунглях их готовили к оказанию первой помощи, да только до врача ему было далеко. Он попросту перекатил девочку на живот и, стоя на коленях, стал давить ей на спину. Вскоре изо рта и носа Тамы хлынула вода. Нат ободрился, перевернул ее обратно и начал делать искусственное дыхание.

В этот самый момент на опушке появилась одна из местных жительниц, средних лет женщина-яномамо. Как все здешние индианки, ростом она была не выше полутора метров, с

непременно остриженными кругом черными волосами и украшениями из перьев и кусочков бамбука в ушах.

При виде белого мужчины, склонившегося над маленькой девочкой, ее карие глаза округлились от ужаса.

Нату не составило труда угадать ее мысли, поэтому он тут же вскочил на ноги. Внезапно Тама пришла в себя, начала с кашлем отхаркивать воду, трястись и испуганно плакать. Она пыталась бить кулачками своего спасителя, еще не оправившись от недавнего кошмара.

– Все хорошо, не бойся, – сказал Нат на языке яномамо, стараясь удержать ее руки.

Он обратился к женщине в надежде объяснить, что случилось, но та выронила корзину и метнулась в прибрежные заросли, вереща что-то тревожное. Натан узнал клич, извещавший о нападении на жителя деревни.

– Здорово. Лучше не придумай.

Он со вздохом зажмурился.

Четыре недели назад, когда Нат только прибыл в деревню в надежде перенять медицинский опыт старика-шамана, местный вождь наказал ему держаться подальше от женщин. В прошлом некоторые пришельцы, бывало, злоупотребляли их гостеприимством. Натан соблюдал это требование, хотя кое-какие местные жительницы были совсем даже не прочь разделить с ним гамак. В таком обособленном племени его высокий рост, голубые глаза и русые волосы считались большой диковиной.

Где-то вдалеке затухающий горестный зов индианки подхватывали снова и снова. В буквальном переводе «яномамо» означает «свирепый народ». Воины племени, по слухам, не ведали пощады. Молодые индейцы, хойа, частенько выискивали поводы для поножовщины, обвиняя соседей или соплеменников во всевозможных оскорблениях и поругании чести. Случалось, одно неосторожное слово стоило жизни целой деревне.

Нат перевел взгляд на девочку. Что ждет его, когда хойа решат, что белый мерзавец напал на ребенка, племянницу вождя? Тама понемногу утихла, погрузившись в беспокойную дрему. Дышала она ровно, но лоб был слегка горячим, начинался жар. На правом боку девочки Нат заметил темную ссадину и нащупал два сломанных ребра – след сокрушительных объятий анаконды. Он сидел на корточках, кусая губы. Таме срочно требовалась помощь врача, от этого зависела ее жизнь.

Натан согнулся и осторожно взял девочку на руки. Ближайшая больница была в десятке миль вниз по реке, в местечке с названием Сан-Габриель. Стало быть, он поплывет туда.

Оставалась только одна проблема – яномамо. Так просто ему теперь не уйти, тем более с ребенком. Здешняя земля принадлежала индейцам, и он не мог сравниться с ними в умении ориентироваться в джунглях, даже при хорошем знании окрестностей. В Амазонии ходит пословица: «На боэзи инги сабе ала сани» – «В своем лесу индеец знает обо всем». А яномамо были еще и ловкими охотниками, свободно владеющими луком, духовым ружьем, копьем и дубиной.

Надежды на побег не оставалось. Неподалеку от берега Натан подобрал застрявший в кустах дробовик и повесил его на плечо. Подняв девочку выше, Нат направился в сторону деревни. Ради своего с Тамой спасения ему придется заставить их выслушать.

В деревне, которую он целый месяц считал своим домом, наступила гробовая тишина. Нату вдруг сделалось не по себе. Смолк даже птичий гомон и привычное уханье обезьян.

Затаив дыхание, он вышел за поворот и увидел перед собой шеренгу индейцев, преградившую ему путь, со стрелами и копьями на изготовку. Даже не услышав, а спиной ощутив какое-то движение сзади, он оглянулся и увидел точно такой же отряд. Лица индейцев были раскрашены алым.

Видя, что иного выхода нет, Нат отважился на последний, отчаянный шаг.

– Набруши йи йи! – выкрикнул он. – Пусть поединок рассудит!

6 августа, 11 часов 38 минут

Окрестности Сан-Габриель-да-Качозейра

Мануэль Азеведо знал, что его преследуют, – пока он бежал по тропе, с опушки донесся низкий всхрап ягуара. Путь от вершины горы Священного Пути был неблизким, Манни вымок до нитки и сильно устал. Впереди, в лиственном проеме открывался вид на Сан-Габриель. Городок располагался у излучины Риу-Негру, северного притока полноводной реки Амазонки.

Еще чуть-чуть... Уже совсем рядом...

Манни остановился, чтобы посмотреть туда, откуда пришел. Он дожидался знаков приближения ягуара: треска сломанной ветки, шороха листьев... Однако ни один мало-мальски различимый звук не выдавал расположения хищника. Даже его охотничий храп оборвался. Зверь понял, что загнал жертву до изнеможения, и теперь собрался для решающего прыжка.

Манни почесал голову. Ничего, кроме стрекота кузнечиков и щебета птиц вдалеке. Струйка пота сбежала по его шее. Он напрягся, целиком обратившись в слух. Пальцы одной руки машинально поползли к ножнам на поясе, другая сжала рукоять небольшого кнута.

Манни обшарил взглядом пеструю лесную подстилку. По обе стороны от тропы высились глухие заросли лиан и лиственных кустарников. Откуда же ждать нападения?

Вдруг тени дрогнули.

Он резко обернулся и припал к земле, пытаясь смотреть сквозь густую листву... Пусто.

Чуть дальше по тропе к нему скользнул сгусток тени, переливаясь оранжево-черной рябью пятнистого меха. Он замер всего в трех метрах от человека, у самой земли, подобрав под себя лапы. Это был молодой самец ягуара, возрастом около двух лет.

Почувяв, что его заметили, зверь принялся хлестать по сторонам хвостом, шурша опавшими листьями.

Манни пригнулся, готовясь отразить нападение.

С утробным рыком, обнажив клыки, гигантский кот распрямился в прыжке. Манни едва охнул, когда ягуар сбил его с ног, точно летящий валун. Сцепившись, они покатались вниз по тропе. Из худощавого Манни чуть было не вышибло дух. Все кругом превратилось для него в чехарду пятен зелени, света, мельтешение лап и зубов. Когти зверя впивались сквозь ткань, сорванный карман повис на нитке. Зубы сомкнулись у Манни на плече, но отчего-то не поцарапали кожу, хотя челюсти ягуара считаются вторыми по мощности среди прочих хищников суши.

Прокатившись так несколько метров, они остановились у подножия спуска, где проходила тропа. Манни очутился на земле, подмятый ягуаром. Он заглянул в горящие глаза противника, а тот все рычал и порывался жевать рубашку.

– Доволен, Тор-Тор? – выдохнул Манни.

Он сам дал ему это имя – «Призрак» на языке араваков. Правда, сейчас, кряхтя под тяжестью ягуаровой туши, он начал сомневаться в удачности выбора клички.

При звуках хозяйского голоса ягуар оставил рубашку в покое и встретился с ним взглядом. Мгновение – и шершавый язык начал слизывать пот со лба Манни.

– И я тебя люблю. А теперь давай слезай с меня.

Когти втянулись, и Манни наконец-то смог сесть. Он проверил одежду и тяжело вздохнул. Учебная охота ягу ара-подростка грозила уничтожить весь его гардероб.

Манни, ворча, поднялся и тут же заработал удар сзади. В свои тридцать два он был уже староват для этих игр.

Большой кот встал на лапы и потянулся. Затем, дернув хвостом, начал принюхиваться. Манни усмехнулся и почесал его за ухом.

– На сегодня охота закончена. Уже поздно, а мне еще просматривать кучу заявлений в конторе.

Тор-Тор недовольно заурчал, но все-таки пошел следом.

Два года назад Манни приютил осиротевшего детеныша ягуара, когда тому было всего несколько дней от роду. Браконьеры застрелили его мать ради шкуры – сокровища, за которое и сейчас можно выручить круглую сумму на черном рынке. Согласно современным подсчетам, популяция ягуаров насчитывает до пятнадцати тысяч животных, рассеянных по обширным лесам Амазонии. Охранные мероприятия не убедили местных жителей, которые кое-как сводят концы с концами, прекратить истребление в целях наживы. Там, где дело касается спасения природы, голод – плохой советчик.

Манни все это отлично понимал. Сам наполовину индеец, он вырос на улицах Барселоса, что у берегов Амазонки, перебиваясь подачками туристов с проплывающих судов и воровством, когда река пустела. По счастливой случайности он попал к слезским миссионерам, которые помогли ему выбиться в люди – получить степень биолога в Университете Сан-Паулу; там его стипендию оплачивала Бразильская индейская ассоциация – ФУНАИ. Чтобы оправдать спонсорские затраты, Манни стал работать с местными индейскими племенами – защищать их интересы, способствовать сохранению жизненного уклада, вместе отстаивать права на землю. Так вышло, что к тридцати годам он осел здесь, в Сан-Габриеле, возглавляя местное отделение ФУНАИ.

Во время расследования браконьерских вылазок на территорию яномамо Манни нашел Тор-Тора – сироту, как и он сам. Его задняя лапа оказалась перебита ударом ноги браконьера. Манни не смог пройти мимо живого комочка. Поэтому завернул пищашего, сопротивляющегося детеныша в одеяло и мало-помалу выходил.

Тор-Тор шагал впереди. Даже сейчас было заметно, как он прихрамывает на поврежденную ногу. Пройдет меньше года, и он станет зрелым самцом. Очень скоро звериная натура проявит себя и наступит пора отпустить его на свободу. Но сначала ягуар должен научиться заботиться о себе, ведь в джунглях нет места непосвященному.

Бегущая впереди тропа огибала последний из лесистых склонов горы Священного Пути. Сан-Габриель лежал перед ними нагромождением убогих лачуг и скучных панельных конструкций, сбегаящих к Риу-Негру. Из общей панорамы выделялось несколько современных отелей и зданий, построенных за последние пять лет в связи с возросшим потоком туристов. Где-то поодаль пролегал новый коммерческий аэродром, словно большой черный шрам на зеленой поверхности джунглей. Казалось, даже в дикой глуши прогресс не замирает ни на минуту.

Манни протер взмокший лоб и, сделав шаг, столкнулся с Тор-Тором – тот почему-то остановился. Ягуар угрожающе зарычал.

В чем дело?

И тут Манни услышал. Под пологом леса множились отзвуки какого-то глухого, размеренного рокота. Казалось, они доносятся отовсюду. Манни прищурил глаза. Он узнал этот шум, хотя в джунглях его слышали нечасто. Вертолет! Посетители Сан-Габриеля добирались большей частью по воде или на маленьких бипланах. Вертолеты не предназначались для таких расстояний. Даже в бразильской армии здесь числился всего один, главным образом для спасательных и эвакуационных работ.

Вслушиваясь в нарастающий шум, Манни понял, что вертолет летит не в одиночку. Он запрокинул голову, но так ничего и не увидел.

Внезапно Тор-Тор сжался в комок и метнулся в ближайшие кусты. Вверху пронеслась группа из трех вертолетов, огибая вершину горы Священного Пути и кружа над поселком, будто гигантские осы. Осы в защитной раскраске.

Громоздкие вертушки типа «УН Хьюи», без сомнения, принадлежали военным. Вытянув шею, Манни увидел четвертую, промелькнувшую точно над ним. В отличие от товарок она была глянцево-черной. «Оса» зависла над джунглями, и даже Манни с его небольшими позна-

ниями в боевой авиации узнал ее характерную форму и встроенный хвостовой винт. То был «РАН 66 Команч», вертолет разведки. Его стройный корпус пронесся почти над самыми ветвями, так что Манни сумел различить крошечный флаг США на борту. Лесной полог над головой сотрясился от сильного вихря. Обезьяны улепетывали, визжа от испуга, а поперек синего неба ярким всполохом пронеслась стайка попугаев ара.

Затем и этот вертолет скрылся. Он унесся к открытым полям, обрамляющим бразильскую базу, и закружил над ней, чтобы присоединиться к остальным.

Нахмурившись, Манни свистнул Тор-Тору. Тот с опаской покинул укрытие, озираясь по сторонам.

– Все в порядке, – заверил его хозяин.

Где-то вдалеке вертолеты приземлились на поле, и рокот утих.

Манни подошел к ягуару и оперся о его спину. Тор-Тор вздрогнул, и тревога зверя передалась хозяину. Спускаясь по склону, Манни сжимал рукоять хлыста, висящего у ремня.

Что, черт побери, принесло американских вояк к ним, в Сан-Габриель?

Натан стоял в одном исподнем посреди деревенской площади. Его окружала шабано – круглая постройка в половину футбольного поля, крыша которой была разобрана посередине, открывая внутреннее пространство небу. Женщины и старики расположились в гамаках под навесом из банановых листьев, тогда как хойа, молодые парни, держали Натана в кольце из стрел и копий, чтобы тот не попытался бежать.

Чуть раньше, когда его препроводили в лагерь, подгоняя со всех сторон копьями, он пытался рассказать об анаконде, в подтверждение показывая след укуса на запястье, но его никто не слушал. Даже сельский вождь, которому Нат передал ребенка, отмел его слова, словно навет.

Натан знал, что его голос не будет услышан, пока не окончится суд. Таковы яномамо.

Он потребовал поединка, чтобы выиграть время, и теперь все зависело от исхода сражения. Если богам будет угодно даровать ему победу, он сможет наконец все объяснить.

Натан стоял в пыли босиком. Группа хойа обсуждала, кто примет брошенный им вызов и каким оружием будут сражаться. Обыкновенно дуэлянты бились на набрушах – гладких деревянных дубинах около двух с половиной метров длиной; однако в серьезных случаях применялось боевое оружие вроде копья или мачете.

Толпа по ту сторону площади разделилась, пропуская вперед человека. Для индейца он был очень высоким, почти одного роста с Натом, и жилистым. Это был Такахо, отец Тамы и брат вождя племени. Он был полностью обнажен, если не считать набедренной повязки из плетеного шнура, которая скрывала его крайнюю плоть, – классический убор мужчины-яномамо. На груди виднелись косые полосы, нарисованные углем, а лицо под наголовником из обезьяньего хвоста было раскрашено алым. Нижняя губа оттопыривалась комом табачной жвачки, придавая индейцу устрашающий вид.

Он вытянул руку. Один из хойа тотчас подбежал и вложил в нее длинный топор. Рукоять топора была вырезана из бордовой древесины пиратинеры¹ и оканчивалась заостренным стальным наконечником. Грозное оружие, одно из самых смертоносных в поединке. Нату сунули точно такое же.

Теперь он наблюдал, как другой хойа вынес горшок какой-то маслянистой жидкости. Такахо смочил в ней лезвие топора.

Натан узнал состав. Он сам помогал шаману готовить эту порцию вурари, или кураре, смертельного парализующего нейротоксина, изготавливаемого из сока лианы семейства лунно-

¹ Пиратинера – южноамериканский вид дерева семейства тутовых с высокопрочной древесиной.

семянниковых. Снадобье часто использовалось для охоты на обезьян, но сегодня его принесли сюда с более зловещей целью.

Нат оглянулся. Никто не вышел вперед, чтобы предложить ему подобное зелье. Похоже, бой обещал быть не совсем равным.

Вождь поднял над головой лук и возвестил о начале дуэли. Такахо направился через площадь, ловко поигрывая топором.

Натан поднял свой. Есть ли у него шанс? Достаточно всего одной царапины... А пусть бы победил, что тогда? Ведь он пришел сюда спасти Таму и совсем не хотел убивать ради этого ее отца.

Подзадоривая себя, Нат взял топор наперевес и тут встретил взгляд противника, исполненный гнева.

– Не трогал я твою дочь! – крикнул он испуганно.

Такахо прищурился. Он слышал слова, но в глазах его читалось недоверие. Такахо посмотрел туда, где за Тамой ухаживал деревенский шаман. Долговязый старик наклонился над девочкой, помахивая дымящейся связкой сушеной травы и бормоча заклинания. Стоя поодаль, Нат чувствовал едкий дым листьев микании, заменяющий индейцам нашатырь. Но девочка оставалась неподвижной.

Такахо повернулся к Нату. С воинственным ревом он бросился вперед, целясь топором в голову противника. Нат когда-то обучался борьбе и потому не растерялся. Он нырнул под топор и откатился в сторону, сбив индейца с ног своим оружием. Такахо тяжело рухнул наземь, ушиб плечо и потерял налобную повязку, но в остальном был невредим. Нат стукнул его обухом топора, не желая бить насмерть. Видя, что индеец повержен, он вскочил на него, собираясь подмять под себя. «Только бы обездвигить на время...»

Такахо увернулся с ловкостью кошки и тут же махнул топором в ответ. Нат избежал смертоносной дуги, вовремя отпрянув назад. Отравленное лезвие просвистело у кончика его носа и брякнулось в пыль. Радясь чудесному спасению, Нат на секунду замешкался и пропустил удар в голову. Со звоном в ушах он свалился на землю. Топор выпал из его онемевшей руки и отлетел под ноги зевакам.

Нат сплюнул кровь из разбитой губы и поспешил подняться. Такахо уже стоял рядом. Пока индеец подбирал брошенный топор, за его спиной Натан разглядел шамана. Старик окуривал губы девочки дымом, видимо оберегая умирающую от злых духов.

Стоявшие вокруг него хойа подняли шум, требуя расправы. Такахо звучно всхрипнул, занес топор и повернулся к Нату. На его багрово-красном лице застыла гримаса ярости. Секунда – и он ринулся в бой, так неистово вращая топором, что лезвие превратилось в одну сверкающую полосу.

Безоружному Нату пришлось отступить. «Так вот какова моя смерть...»

Его оттеснили к частоколу из копий остальных яномамо. Спасения не было. Такахо неспешно поднял топор, готовясь к решающему удару. Нат инстинктивно попятился, чувствуя уколы отточенных наконечников в незащищенную спину. Топор уже стремительно рассекал воздух, как вдруг...

– Юло! – донесся сквозь гомон хойа громкий вопль. – Стой!

Натан, пригнувшийся в ожидании удара, взглянул вверх и увидел лезвие, зависшее почти в дюйме от его лица. Капля яда упала ему на щеку.

Шаман, чей голос прервал поединок, растолкал соплеменников и вышел на середину деревни.

– Твоя дочь просыпается!

Затем он указал в сторону Ната.

– Она говорит об огромной змее и спасителе-чужестранце.

Все головы разом повернулись в сторону Тамы – девочка осторожно пила из тыквы-горлянки, принесенной соседкой по племени.

Натан повернулся и снова посмотрел Такахо в глаза. Радостная весть смягчила его суровые черты. Индеец бросил топор на землю, схватил Ната за плечи и порывисто обнял.

– Яко, – произнес он, прижимая к груди недавнего врага. – Брат.

На том все и закончилось.

Из толпы выбрался запыхавшийся вождь.

– Ты бился с великой сукури и спас дочь нашего племени из ее утробы. – Он достал из-за уха длинное перо и воткнул Нату в волосы. Хвостовое перо лесного орла-гарпии считалось весьма щедрым подарком. – Отныне ты больше не набе, не чужеземец. Отныне ты – яко, брат моим братьям, один из яномамо.

Шабано огласилось приветственным кличем.

Натан знал, что удостоился величайшей из почестей, однако не стал сидеть сложа руки.

– Сестра, – произнес он, указывая на Таму.

У яномамо было запрещено звать друг друга по именам. Вместо них употребляли родственные титулы, настоящие или вымышленные. Девочка по-прежнему тихо стонала.

– Сестра все еще больна. Она получила увечья, вылечить которые могут врачи из Сан-Габриеля. Прошу вас, позвольте отвезти ее в город.

Деревенский шаман выступил вперед. Натан боялся, что тот будет отстаивать собственные методы лечения – шаманы, как правило, народ своевольный. Тем не менее старик согласился, положив руку Нату на плечо.

– Новый яко спас нашу маленькую сестру от сукури. Мы должны внимать воле богов, по которой он оказался ее защитником. Здесь я бессилен.

Натан отер каплю яда, тщательно следя, чтобы не занести его в царапину или порез, и поблагодарил шамана. Тот и так уже сделал достаточно – его природные средства смогли вовремя привести девочку в чувство, тем самым сохранив жизнь ее избавителю. Потом Нат обратился к Такахо:

– Я могу одолжить у тебя каноэ для перевозки?

– Бери что захочешь, – ответил Такахо. – Я еду с тобой.

Натан кивнул.

– Тогда нам лучше поторопиться.

Спешным порядком Таму уложили на носилки из бамбука и пальмовых листьев, затем приладили их на каноэ. Такахо, переодетый в спортивные шорты и безрукавку, усадил Ната в носовую часть долбленки и оттолкнулся веслом от берега, прямо на стрежень Риу-Негру, текущей напрямик до Сан-Габриеля.

Десять миль пути они прошли молча. Натан часто ощупывал лоб Тамы, а в глазах ее отца все явственнее читалось беспокойство. На девочку снова напало оцепенение, она дрожала и временами постанывала. Натан бережно укутал одеялом хрупкое тельце.

Такахо сноровисто вел каноэ по быстрым протокам, легко огибая поваленные деревья. Казалось, у него был врожденный талант к поиску стремнин.

Плывя по течению, они встретили группу индейцев из соседней деревни – те рыбачили с копьями в руках. Нат наблюдал, как одна из женщин, стоя выше по течению, рассыпала над водой бурый порошок. Он уже знал, что это такое – толченые плети айяэйи. Ниже по реке порошок растворялся в воде и парализовывал рыбу, так что стоящие у берега могли собирать ее копьями прямо с поверхности. Подобный способ рыбной ловли издревле практиковался по всей Амазонии. Сколько еще проживет эта традиция? Может, поколение-два, а потом знание о ней будет утеряно навсегда.

Натан устроился на сиденье с сознанием того, что есть битвы, в которых нельзя победить. Цивилизация продолжит наступление на джунгли, чем бы оно ни обернулось.

По пути он рассматривал густую приречную растительность, превратившую русло в сплошной зеленый коридор. Кругом непрестанно ухала, квакала, хрюкала и стрекотала жизнь во всем ее многообразии.

С берегов хором вопили стаи обезьян-ревунов, яростно раскачивая ветви. Белоснежные цапли на отмелях то и дело насаживали рыбу на свои ярко-желтые клювы, чешуйчатые морды кайманов там и сям отмечали гнездовые территории этих гигантов Амазонии. В воздухе вились тучи мошки и мух-кровососок, не пропуская ни сантиметра открытого тела.

Здесь джунгли властвовали безраздельно. Они казались бесконечными, непроходимыми и полными тайн. Последний до конца не изученный участок планеты с огромными пространствами, где по сей день не ступала нога человека. Именно эти чудеса и тайны некогда побудили родителей Ната оставить свой дом ради жизни в джунглях. Со временем их единственный сын унаследовал ту же любовь к Великому Лесу.

Натан глядел на проплывающие мимо дебри, подмечая первые признаки цивилизации, и понимал, что Сан-Габриель уже недалеко. Стали появляться просеки со спуском к воде. С берега махали руками и кричали вслед каноэ дети. Даже шум джунглей казался отсюда приглушенным – ему на смену пришла какофония современной жизни: фыркание тракторов на полях, визг моторных лодок, брнчание радиоприемников в усадьбах.

И вот за поворотом реки джунгли оборвались. Сан-Габриель возник перед Натом подобно опухоли, поразившей самое чрево леса. Возле реки городок представлял собой смесь бетонных административных зданий и убогих лачуг. Холмы в отдалении были облеплены домами всех мастей и размеров. Впереди вдоль причалов и пристаней теснились скопища туристских лодок и обшарпанных барж.

Натан повернулся к Тахахо, чтобы указать на свободный клочок берега, и увидел, как тот с ужасом смотрит на город, прижав к груди весло.

– Оно и сюда добралось, – пробормотал он.

Нат оглянулся на городишко. Даже его, всего пару недель назад приезжавшего сюда за припасами, оглушили шум и суета. Что же мог почувствовать тот, кто никогда не покидал джунглей?

Натан кивком показал место для «парковки» каноэ.

– Великому воину здесь нечего бояться. Мы должны доставить твою дочь в больницу.

Тахахо кивнул. Он взял себя в руки, и его лицо вновь приобрело стоическое выражение, но взгляд по-прежнему перебегал от одной городской диковины к другой. Индеец провел каноэ туда, куда указал ему Натан, а потом помог снести носилки с ослабевшей Тамой на берег.

Потрясенная девочка тихо застонала и приоткрыла веки, за которыми виднелись белки закатившихся глаз. За время пути она стала заметно бледнее.

– Нам надо спешить.

Вдвоем они перенесли ее через набережную, под любопытными взорами местных и вспышками туристических фотокамер. Несмотря на «цивилизованную» одежду, налобник Тахахо из обезьяньего хвоста, пучки перьев за ушами и стрижка «под горшок» выдавали в нем коренного обитателя Амазонии.

К счастью, маленькая одноэтажная больница находилась сразу за прибрежным кварталом. От остальных зданий ее отличал только выцветший красный крест над дверью, но Натан уже приезжал сюда раньше для консультаций с местным врачом, его приятелем из Манауса. Очень скоро они с Тахахо прошли через дворы и занесли носилки в приемную. Больничный воздух отдавал хлоркой и нашатырем, зато был восхитительно прохладным благодаря кондиционеру. Охлажденный поток ударял в лицо, точно влажное полотенце.

Нат прошел к регистратуре и стал второпях объяснять, что случилось. Полная медсестра недоумевающе морщила лоб, пока Натан не понял, что говорит на наречии яномамо. Он быстро переключился на португальский:

– На девочку напала анаконда. Несколько ребер сломаны, но, боюсь, внутренние травмы еще серьезнее.

– Прошу сюда.

Сестра махнула в сторону двустворчатой двери, глядя на Такахо с нескрываемым подозрением.

– Это ее отец.

Медсестра кивнула.

– Доктор Родригес уехал по вызову, но я могу позвонить ему, если дело того требует.

– Звоните, – сказал Натан.

– Может, я сумею помочь, – произнес чей-то голос.

Нат обернулся. С кресла в приемной поднялась высокая стройная женщина с длинными темно-рыжими волосами. Казалось, еще секунду назад ее не было – незнакомку скрывал столбик дощатых коробов, помеченных красным крестом. Она подошла спокойной и твердой походкой и оглядела каждого из присутствующих по очереди.

Натан слегка приосанился.

– Меня зовут Келли О’Брайен, – бегло произнесла женщина на португальском, в котором Нат тем не менее различил едва уловимый бостонский акцент. Она вынула удостоверение со знакомым эскулаповым жезлом. – Я из Америки.

– Доктор О’Брайен, – сказал Нат по-английски, – нам, несомненно, понадобится ваша помощь. На эту девочку напала...

Лежащая на носилках Тама вдруг выгнулась дугой. Ее пятки замолотили по пальмовым листьям, все тело начало трясти.

– У нее судороги! – воскликнула женщина. – Скорее в палату!

Полная медсестра засемила по коридору, придерживая двери перед носилками.

Келли О’Брайен бежала рядом с девочкой, пока мужчины не внесли Таму в крошечную четырехместную палату и не уложили на свободную койку. Хватая перчатки, стройная докторша бросила медсестре:

– Десять кубиков диазепама, срочно!

Сестра молча метнулась к шкафчику с лекарствами. Через пару секунд у Келли в руке оказался шприц с янтарного цвета раствором. Она уже приготовила жгут.

– Держите ее, – приказала она Нату с Такахо.

Вызванные по неотложному делу старый врач и еще одна медсестра наконец прибыли, и тихая больница наполнилась суетой.

– Готовьте лактат Рингера и капельницу, – скомандовала Келли, нащупывая вену на тонкой руке девочки. Она выверенным движением направила иглу и медленно ввела лекарство.

– Это валиум, – пояснила Келли за работой. – Он должен временно подавить судороги, чтобы мы смогли выяснить, что с ней.

Как по команде, конвульсии прекратились. Тама перестала молотить ногами и лежала пластом на кровати, лишь одно из ее век и уголок рта продолжали подергиваться. Келли разглядывала зрачки при свете фонарика-ручки.

Старый врач оттеснил Ната в сторону – доктор стоял по другую сторону Тамы, готовя набор для переливания крови.

Нат заглянул ему за спину и увидел панический ужас в глазах отца девочки.

– Что с ней случилось? – спросила врач, не прекращая осмотра.

Натан описал нападение.

– Она то и дело теряла сознание и опять приходила в себя. Деревенский шаман смог ненадолго вернуть ее в чувство.

– У нее несколько сломанных ребер с сопутствующими гематомами, но это не объясняет судорог и обмороков. Были ли у нее конвульсии по дороге сюда?

– Нет.

– Как насчет эпилепсии у родственников?

Нат повернулся к Таахо и перевел для него вопрос.

Индеец кивнул.

– Ах-де-ме-нах гунти.

Натан нахмурился.

– Что он сказал? – переспросила Келли.

– Ах-де-ме-нах означает «электрический угорь», гунти – болезнь или недомогание.

– Болезнь электрического угря?

Натан кивнул.

– Это он и сказал. Бессмыслица. Жертва электрического угря часто испытывает конвульсии, но непосредственно после атаки. А Таахо уже много часов не заходила в воду. Не знаю... Может, так яномамо называют эпилепсию?

– Ее лечили? Назначали какие-нибудь препараты?

Ответил Таахо:

– Деревенский шаман раз в неделю ухаживал за ней, окуривая дымом микании.

Келли задохнулась от негодования.

– Иными словами, ее не лечили. Неудивительно, что стресс утопающего вызвал столь сильный припадок. Почему бы вам не отвести ее отца в приемную? Может, мне удастся подавить судороги чем-нибудь посерьезнее.

Нат посмотрел на кровать. Таахо все еще лежала без движения.

– Думаете, они повторятся?

Келли встретила с ним взглядом.

– Они и не прекращались. – Доктор указала на лицевой тик. – Это называется статус эпилептикус с, длительные судороги. Большинство пациентов, перенесших такой затяжной приступ, могут входить в ступор, стонать, терять координацию. Кризы, подобные тем, что мы видели, будут случаться снова и снова. Если их не остановить, ребенок погибнет.

Нат задержал взгляд на девочке.

– Так вы хотите сказать, что судорога мучила ее все это время?

– Судя по вашим словам, в той или иной степени – да.

– Но шаман из деревни как-то смог вывести ее из ступора!

– С трудом в это верю. – Келли снова занялась девочкой. – У него не нашлось бы лекарства, чтобы разорвать цикл.

Нат вспомнил, как девочка пила из горлянки.

– И все же ему удалось. Не стоит принимать шаманов за примитивных знахарей. Я годами сотрудничал с ними. Знай вы, с чем им приходится сталкиваться, вы бы назвали их кудесниками.

– Что ж, кудесники они или нет, но наши средства гораздо эффективнее. Настоящая медицина. – Она снова кивнула в сторону Таахо. – Почему вы не проводите отца в приемную?

Келли опять повернулась к персоналу, давая понять, что разговор окончен.

Нат вспыхнул, но подчинился. В конце концов, западные медики веками отвергали терапевтическую ценность шаманизма. Нат уговорил Таахо выйти из палаты и подождать в приемной. Он усадил индейца в кресло и велел подождать, а сам направился к выходу. Он вернулся по коридору и снова очутился в душном амазонском мареве. Пусть американка верит, чему хочет, – он собственными глазами видел, как шаман вернул Таахо к жизни. Если кто-то и мог пролить свет на ее загадочную болезнь, то Нат знал, где его найти.

Едва ли не бегом под палящим полуденным солнцем Натан устремился к южной оконечности города. Проскочив почти десять кварталов, он поравнялся с местной военной базой. Вопреки обычной полудреме, сегодня там царило оживление. Нат насчитал на площадке

четыре вертолета с американской маркировкой. Вдоль ограды выстроились местные, таращась на залетные чудеса техники и оживленно болтая.

Нат не придал значения происходящему на базе и поспешил к панельному зданию, стоящему среди утлых деревянных строений. На фасаде было выведено «ФУНАИ». Там-то и располагался филиал Бразильского индейского фонда, центральный орган поддержки, обучения, юридического представительства местных племен банива и яномамо. Невысокое здание вмещало как кабинеты, так и приют для бездомных индейцев, забредших в город в поисках лучшей из долей – доли белого человека.

В штате ФУНАИ числился советник по делам медицины, давний друг семьи Ната и наставник его отца здесь, в лесах Амазонии.

Натан просочился в фойе, быстро прошел его и взбежал по лестнице, молясь, чтобы друг оказался у себя. Дверь была не заперта, так что еще на подходе он услышал звуки Пятого скрипичного концерта Моцарта.

Слава богу!

Нат постучал по косяку и назвал.

– Профессор Коуве?

Из-за маленького стола, заваленного бумажными кипами, на него смотрел смуглый индеец, на вид чуть старше пятидесяти. У индейца были черные волосы до плеч, у висков чуть тронутые сединой, и очки в металлической оправе. Узнав вошедшего, профессор тотчас снял их и широко улыбнулся.

– Натан!

Реш Коуве вышел из-за стола и так крепко обнял Ната, что позавидовала бы анаконда. Несмотря на худобу, индеец обладал недюжинной силой.

Тридцать лет минуло с того дня, когда он встретил отца Ната в южной Венесуэле, где занимал почетную должность шамана племени тириос. Вскоре они подружились, а потом Коуве не без помощи Рэнда-старшего смог поехать на учебу в Оксфорд и получить два диплома – лингвиста и палеоантрополога. Его также признали одним из выдающихся экспертов-ботаников в регионе.

– Даже не верится, что ты здесь, мой мальчик! Ты уже разговаривал с Манни?

Натан нахмурился, высвобождаясь из медвежьей хватки профессора.

– Нет, а что?

– Он тебя ищет. Забегал ко мне около часа назад – спрашивал, не знаю ли я, в какой деревне ты проводишь исследования.

Натан поднял бровь.

– Зачем?

– Он не сказал, но с ним была какая-то шишка из «Теллуksа».

Нат закатил глаза. «Теллуks фармасьютикалс» – так называлась международная корпорация, финансирующая его работу по изучению деятельности местных шаманов.

Коуве заметил реакцию Натана.

– Ты сам подписал контракт с дьяволом.

– Что мне еще оставалось после смерти отца?

– Зря ты так быстро сдался. Ты ведь всегда был...

– Знаете, – оборвал его Натан. Он не хотел вспоминать черные дни своей жизни. Сам заварил кашу, самому теперь и расхлебывать. – Вообще-то я пришел не из-за «Теллуksа».

Он рассказал о Таме и ее болезни.

– Меня беспокоит, как ее лечат. Не могли бы вы побеседовать с доктором?

Коуве схватил с полки коробку для рыбацких принадлежностей.

– Глупо, очень глупо, – пробормотал он и направился к двери.

Нат следом спустился по лестнице и вышел во двор. Ему приходилось бежать, чтобы поспеть за профессором. Минута – и они ворвались в больничные двери.

Завидев Ната, Такахо вскочил на ноги.

– Яко... Брат...

Натан жестом усадил его обратно.

– Я привел того, кто способен помочь твоей дочери.

Коуве не стал медлить. Он уже устремился к входу в палату, Нат – за ним по пятам.

В палате царила невообразимая сумятица. Стройная американка, вся взмокшая, склонилась над Тамой, которую снова скрутило в сильнейшей судороге. Медсестры сновали туда-сюда, выполняя распоряжения докторши.

Келли перевела взгляд, полный страха, с девочки на вошедших.

– Мы ее теряем...

– Я попробую помочь, – вызвался Коуве. – Какие препараты она получала?

Келли торопливо прочла список, смахивая пряди волос с покрытого испариной лба.

Коуве кивнул, открыл коробку и, порывшись в ее многочисленных отделениях, выудил какой-то мешочек.

– Мне нужна соломинка.

Сестра так же рьяно бросилась выполнять его указание, как прежде – указания Келли. Нат догадался, что Коуве не впервые наведывается в эту больницу. Кто еще, кроме него, столь сведущ в туземных болезнях и их терапии?

– Что вы делаете? – спросила покрасневшая Келли. Ее длинные рыжие волосы были собраны в хвост.

– Вы ошиблись с постановкой диагноза, – проговорил профессор, наполняя пластиковую соломинку своим снадобьем. – Природа конвульсий у пациентов с «болезнью электрического угря» кроется не в нарушении нервной системы, как при эпилепсии. Она обусловлена наследственным дисбалансом химического состава ликвора – спинномозговой жидкости. Этот синдром отмечен только у некоторых групп яномамо.

– Наследственное нарушение метаболизма?

– Именно, наподобие фавизма в семьях жителей Средиземноморья или «болезни холодного жира» среди марунов Венесуэлы.

Коуве подошел к девочке и позвал Натана.

– Держи ее крепче.

Натан выступил вперед и пригнул голову Тамы к подушке. Бывший шаман ввел конец соломинки девочке в ноздрю и резко выдул содержащийся там порошок.

Доктор О’Брайен склонилась над его спиной.

– Вы, видимо, доктор Родригес?

– Нет, дорогуша, – отозвался Коуве, вставая. – Я всего-навсего местный шаман.

Келли воззрилась на него со смесью страха и недоверия на лице, но возмутиться не успела. Конвульсии девочки стали ослабевать и вскоре совсем прекратились.

Коуве проверил ее веки. Болезненная бледность почти исчезла.

– Я обнаружил, что через мембраны носовых пазух некоторые вещества всасываются почти с той же эффективностью, что и при внутривенном введении.

Келли зачарованно смотрела на девочку.

– Работает!

Коуве передал мешочек одной из сестер.

– Доктор Родригес уже выехал?

– Я звонила ему, профессор, – ответила сестра, сверяясь с часами. – Он должен появиться через десять минут.

– Позаботьтесь, чтобы девочка получала по пол соломинки каждые три часа в течение следующих суток, затем раз в день. Когда ее состояние стабилизируется, можно будет справиться и с остальными повреждениями.

– Хорошо, профессор.

Лежащая на постели Тама медленно открыла глаза. Она смущенно и испуганно глядела вокруг, на стоящих рядом незнакомцев. Затем ее глаза отыскивали Натана.

– Яко башо, – слабо выговорила девочка.

– Да, братец обезьяна с тобой, – ответил тот на языке яномамо, похлопывая ее по руке. – Ты спасена. Папа тоже здесь, сейчас он придет.

Одна из сестер привела Такахо. Увидев, что дочь очнулась и говорит, индеец пал на колени и разрыдался, не в силах дольше сдерживать себя.

– Теперь она скоро поправится, – заверил его Натан.

Коуве собрал свою походную аптечку и удалился в сопровождении Натана и доктора О'Брайен.

– Что же было в соломинке? – спросила рыжеволосая докторша.

– Высушенный стебель лианы ку-на-не-ма.

Видя немой вопрос в ее глазах, Нат пояснил:

– Ползучей микании. Именно им деревенский шаман обкуривал девочку, чтобы привести ее в чувство. О чем я вам и рассказывал.

Келли покраснела.

– Видимо, я должна извиниться. Я не думала... Даже представить себе не могла...

Коуве похлопал ее по плечу.

– Западный этноцентризм – распространенный недуг в наших краях. Здесь нечего стыдиться, – подмигнул он Келли. – Сам им страдал.

Однако Нат был не в настроении церемониться.

– В следующий раз, – бросил он, – не будьте так самонадеянны.

Келли закусила губу и отвернулась, и Нат тут же отругал себя за грубость. Конечно, его терпение истощилось – после стольких тревог и волнений, но, с другой стороны, врач делала все, что могла. Понимая, что был неоправданно строг к ней, Натан решил извиниться и даже открыл рот...

Не успел он и слова сказать, как входная дверь распахнулась и на пороге возник рослый рыжеволосый мужчина, одетый в хаки и потертую бейсболку «Ред сокс». Он отыскал взглядом докторшу.

– Келли, если ты закончила с раздачей, то нам пора. Мы взяли лодку, которая отвезет нас вверх по реке.

– Хорошо, – ответила врач. – Я готова.

Она посмотрела на Ната и Коуве.

– Спасибо вам.

Натану бросилось в глаза сходство между ней и вошедшим – в россыпях веснушек, морщинках вокруг глаз. Кроме того, оба говорили с певучим бостонским акцентом. Брат и сестра, – догадался Нат.

Он вышел за ними на улицу, но увиденное там заставило его невольно попятиться, и он едва не сбил с ног профессора Коуве. По ту сторону улицы выстроился десяток солдат в полном вооружении – с винтовками М-16 со складными прицелами, пистолетами в кобурах и тяжелыми ранцами. Нашивки на плечах подсказали Нату войсковую принадлежность бойцов – это были рейнджеры, разведывательно-диверсионный десант. Один из них произнес что-то в микрофон переносной рации и взмахом руки направил группу к берегу. Брат и сестра О'Брайены отправились следом.

– Стойте! – крикнул кто-то из-за цепочки десантников.

Те расступились, и Натан увидел старого знакомого – Манни Азеведо. Приземистый и черноволосый, он протолкался вперед. На нем были вытертые брюки, карман рубашки походил на рваную тряпку, а у пояса висел его знаменитый кнут.

Манни и Нат обменялись улыбками, а потом похлопали друг друга по спине. Натан подергал за рваный карман.

– Вижу, ты опять развлекался с Тор-Тором.

Манни усмехнулся.

– Веришь, с прошлого раза зверюга набрал еще десять кило.

Нат рассмеялся.

– Класс! Будто ему тех не хватало.

Заметив, что десантники остановились и все, включая Келли с братом, смотрят на них, Натан кивнул на них и спросил Манни:

– Что здесь творится? Куда они все собрались?

Манни глянул на остальных. К ним уже потянулись зеваки – поглазеть на грозных американских рейнджеров.

– Похоже, правительство Штатов снарядило отряд для дальней экспедиции в джунгли.

– Зачем? Опять наркокурьеры?

В этот миг Келли О'Брайен сделала шаг в его сторону. Манни указал на Натана.

– Позвольте представить вам доктора Рэнда... доктора Натана Рэнда.

– Мы как будто встречались, – ответила Келли, смущенно улыбаясь. – Только он не назвался.

Натан чувствовал, что Келли и Манни чего-то недоговаривают.

– Что происходит? – повторил он. – Почему вы собрались форсировать реку?

Келли посмотрела ему прямо в глаза. Ее собственные глаза оказались потрясающего изумрудно-зеленого цвета.

– Чтобы искать вас, доктор Рэнд.

2

ОРИЕНТИРОВКА

6 августа, 21 час 15 минут

Сан-Габриель-да-Качоэйра

Нат вышел из кабинета Манни в ФУНАИ, перешел улицу и в сопровождении одного из бразильцев-биологов и профессора Коуве направился к военной базе. Профессор только что вернулся из больницы с утешительной вестью о Таме, которая быстро шла на поправку.

Свежевыбритый и отмытый, в чистом белье, Натан Рэнд не верил сам себе, что всего несколькими часами раньше явился сюда с больной девочкой из лесных дебрей. Казалось, он смыл и отскреб с себя джунгли вместе с потом и грязью, за считанные часы превратившись из новообращенного яномамо в гражданина Америки. Поистине, мыло «Весна Ирландии» способно творить чудеса. Хотя запах и оставлял желать лучшего.

– Тошнит, не правда ли? После стольких лет в джунглях... – заметил Коуве, попыхивая трубкой. – Когда я впервые выехал из Венесуэлы, из дома в лесу, я словно угодил под информационный обстрел – звуки, запахи, суeta городов... К ним привыкаешь труднее всего.

Нат опустил руку.

– Странное дело: к простой жизни на природе легко приспособиться. Правда, есть одна вещь, ради которой я готов терпеть городские напасти.

– И что же это? – полюбопытствовал Манни.

– Туалетная бумага.

Коуве прыснул со смеху.

– А ты думаешь, почему я убрался из джунглей?

Они подошли к воротам сияющей огнями базы. Через десять минут должен начаться сбор. Может, на нем что-нибудь прояснится?

По дороге Нат разглядывал спящий город, пытаясь получше рассмотреть этот крошечный оплот цивилизации. Над рекой, отражаясь в ее глади, повисла полная луна, слегка размытая в наползающем на город тумане. Наступала ночь, и джунгли, пусть ненадолго, вступали в свои права.

На закате звуки города стихали, сменяясь гулким пением козодоев под аккомпанемент лягушачьего хора и тремоло кузнечиков-сверчков. Даже на улицах шелест крыльев летучих мышей и неотвязный комариный писк перекрывал людскую болтовню и гудки автомобилей.

Присутствие человека ощущалось лишь в звонком смехе запоздалых гуляк из кабачка под открытым небом.

А в остальном над Сан-Габриелем властвовали джунгли.

Натан шагал рядом с Манни.

– Интересно, зачем я мог понадобиться американскому правительству?

– Точно не знаю, – покачал головой Манни, – но все это как-то связано с твоими спонсорами.

– «Теллукс фармасьютикалс»?

– Именно. Кто-то из этих типов приехал вместе с американцами. Судя по виду, адвокаты.

Нат помрачнел.

– А когда это «Теллукс» обходился без них?

– Не надо было продавать им «Экотек», – произнес Коуве, не вынимая трубки изо рта.

Нат вздохнул.

– Эх, профессор...

Подняв руки, шаман показал, что сдается.

– Извини. Сам знаю, больная тема...

«Больная» было не тем словом для Натана. «Экотек» основали двенадцать лет назад по проекту отца Ната. То было целиком его детище – фармацевтическая фирма, ориентированная на сбор сведений у шаманов с целью поиска новых растительных препаратов. Отец захотел сохранить опыт вымирающего поколения лекарей Амазонии и сделать так, чтобы местные племена получали доход от своего векового наследия.

Для него это были не просто мечта и цель жизни, но и исполнение обета, данного жене Саре.

Устроившись медиком в филиал корпуса мира, всю свою жизнь она посвятила туземцам, и ее страсть оказалась заразной. Отец Ната пообещал продолжить начатое ею дело, и спустя несколько лет обещание привело его к созданию «Экотек», симбиоза бесприбыльной адвокатуры и выверенных до мелочей бизнес-моделей.

Вот только сейчас их наследство кануло в небытие, поглощенное «Теллуксом».

Голос Манни вклинился в размышления Ната:

– Кажется, дальше пойдем под конвоем.

У пропускной стояли навтыжку два рейнджера в светло-коричневых беретах, а перед ними – бразильский солдат. Тому как будто было не по себе.

Натан с опаской оглядел кобуры десантников и снова стал гадать, зачем их сюда позвали. Едва поравнялись с воротами, бразильский часовой проверил документы. Затем один из рейнджеров сделал шаг вперед со словами:

– Приказано препроводить вас на ориентировку. Прошу следовать за мной.

Он круто развернулся и зашагал вперед.

Натан оглянулся на друзей и прошел в ворота. Второй рейнджер занял позицию позади него. В окружении конвоиров и по соседству с расположившейся невдалеке, на футбольном поле, четверкой вертолетов у Ната засосало под ложечкой. Профессора Коуве все это как будто не тревожило. Он знай себе попыхивал трубкой и преспокойно шел за провожатыми. Манни казался скорее удрученным, нежели испуганным.

Их вели мимо покореженных ангаров из листового железа, где размещалась бразильская пехота, пока не доставили к полуразрушенному, с несколькими закрашенными окнами, бревенчатому пакгаузу на границе базы. Рейнджер-проводник открыл перед ними ржавую дверь. Натан первым вошел внутрь. Готовясь застать там мрак и паутину, он едва не жмурился под галогенными фонарями и лампами дневного света. По бетонному полу тянулись всевозможные кабели, подчас в руку толщиной. Вдоль задней стены выстроились три кабинки, в одной из которых раздавалось пыхтение генератора. Нат подивился уровню оснащения зала – повсюду стояли компьютеры, оборудование для теле- и радиосвязи, мониторы.

Посреди этого рукотворного хаоса расположился большой стол для заседаний, загроможденный кипами распечаток, карт, графиков и даже газет. По залу сновали мужчины и женщины – в форме и штатском. Кое-кто пополнял горы бумаг на столе. Среди этих служащих была и Келли О'Брайен.

«Что здесь творится?» – недоумевал Нат.

– У нас не курят, – сказал профессору Коуве один из конвоиров, указав на зажженную трубку.

– Разумеется.

Коуве вытряхнул содержимое трубки в пыль у порога.

– Спасибо.

Рейнджер придавил каблуком горстку табака.

Одна из дверей офисов напротив распахнулась, и появился знакомый рыжеволосый гигант – брат доктора О'Брайен. Бок о бок с ним стоял человек, которого Нат знал достаточно, чтобы презирать всей душой. В этот раз он пришел в темно-синем костюме, а куртку повесил

на согнутую в локте руку. И Нат готов был поклясться, что на одежде красовалась символика «Теллукса».

Как обычно, его лоснящаяся темная шевелюра была уложена волосок к волоску, а козлиная бородка – заботливо подстрижена. Подойдя к Нату и компании, он одарил их елейной улыбочкой под стать своей наружности. В то же время его рыжеволосый спутник протянул руку с неподдельным радушием.

– Спасибо, что пришли, доктор Рэнд. Думаю, вы уже знакомы с доктором Ричардом Зейном.

– Мы встречались, – холодно ответил Натан и пожал протянутую ладонь.

Хватка рыжеволосого могла бы сокрушить камень.

– Я – Фрэнк О’Брайен, руковожу операцией. Сестру вы уже знаете. – Он кивнул головой в сторону Келли – та оторвала взгляд от стола и подняла руку в знак приветствия. – Поскольку все в сборе, можно начинать собрание.

Фрэнк подвел Ната, Коуве и Манни к столу и махнул остальным, приглашая садиться.

Место напротив Натана занял человек с непроницаемым лицом и длинным белесым шрамом поперек горла. Рядом с ним сел один из рейнджеров – две серебряные полосы на его погонах указывали на должность капитана.

Ричард Зейн уселся во главе стола между Келли и Фрэнком, а те остались стоять. Слева расположился другой представитель «Теллукса» – миниатюрная азиатка в синем брючном костюме. Ее глаза светились умом и, казалось, ничего не упускали из виду. Неожиданно Нат встретился с ней взглядом. В ответ незнакомка едва заметно улыбнулась и кивнула.

Как только все расселись по местам, Фрэнк прокашлялся.

– Прежде всего, доктор Рэнд, позвольте поприветствовать вас в центре управления операцией «Амазония», проводимой командованием войск специального назначения совместно с центром охраны окружающей среды ЦРУ. – Здесь он кивнул капитану со шрамом. – Нас также поддерживает правительство Бразилии и исследовательский отдел компании «Теллукс фармасьютикалс».

В этот миг Келли перебила брата, подняв руку. Судя по всему, она подметила замешательство Ната и решила помочь.

– Уверена, у доктора Рэнда есть к нам множество вопросов. Прежде всего, какое он имеет отношение к нашей команде.

Натан кивнул, и Келли продолжила:

– Основная цель операции «Амазония» – узнать судьбу экспедиции вашего отца.

У Ната отвисла челюсть и потемнело в глазах. Его словно огрели чем-то тяжелым – слова дались ему далеко не сразу.

– Но... ведь прошло целых четыре года.

– Мы понимаем, и все же...

– Нет! – Сам не зная как, он вскочил на ноги, опрокинув кресло. – Они мертвы! Они все мертвы!

Профессор Коуве попытался урезонить Ната – положил на плечо руку.

– Натан...

Нат вырвался. Тот роковой звонок... Как будто это было вчера. Он в Гарварде, заканчивает диссертацию. Взял билет на следующий рейс до Бразилии – участвовать в поисках пропавшей команды.

Стоя посреди пакгауза, Нат словно заново переживал все, что с ним творилось в те дни, – слепящую ярость, злость, досаду. Спасатели ушли, а он по-прежнему не сдавался. Да и как он мог сдаться? Ему пришлось умолять «Теллукс фармасьютикалс» послать свой отряд. Ведь исследование проводилось на средства обеих фирм, в основном «Экотека». Целью десятилетней работы была перепись жителей туземных племен и планомерная регистрация их медицин-

ских знаний, пока их еще можно добыть. «Теллукс» отказала Нату в содействии. Корпорация придерживалась мнения, что команда погибла – в схватке с враждебно настроенным племенем или же группой наркоторговцев.

Так думали все, кроме Ната. В последующие годы он потратил миллионы, ища хотя бы намек, малейшую зацепку, упоминание о том, что случилось с учеными. В эту черную дыру он слил все активы «Экотека», подорвав и без того шаткое положение отцовской компании.

Она уже понесла невосполнимый урон в результате обвала на бирже, вызванного исчезновением главы директората. В конце концов заветный источник иссяк. «Теллукс» поспешил прибрать к рукам оставшееся, скупив акции «Экотека» по бросовой цене, а Нат был слишком измучен и удручен, чтобы сопротивляться. В итоге «Экотек» и все его фонды, включая Натана, попали в собственность межнациональной корпорации.

Впереди его ждал еще худший кошмар. Несколько лет протекли в алкогольно-наркотическом угаре и разочаровании. Лишь помощь друзей, таких как Коуве и Манни Азеведо, помогла ему вновь обрести себя. Оказалось, джунгли заглушают боль. День за днем Нат учился жить заново, сам пробивал себе путь и, сколько мог, старался продолжать отцовскую работу, перебиваясь подачками с «Теллукса».

Так было до сих пор.

– Они мертвы! – снова выкрикнул он, упершись в стол руками. – После стольких лет понять, что случилось с отцом... У вас нет ни малейшего шанса!

Натан ощутил на себе сочувственный взгляд изумрудных глаз Келли, ожидающей, пока он совладает с собой.

Наконец она спросила:

– Вам знакомо имя Джеральда Уоллеса Кларка?

Уже готовясь сказать «нет», Нат неожиданно вспомнил: то был один из членов отцовской команды. Он провел языком по губам.

– Да. Бывший военный, в экспедиции возглавлял «боевую пятерку».

Келли глубоко вздохнула.

– Двенадцать дней назад Джеральд Уоллес Кларк вышел из джунглей.

Лицо Ната окаменело.

– Черт, – выругался рядом Манни.

Профессор Коуве подобрал опрокинутый стул и помог Нату присесть.

Келли продолжила:

– К сожалению, Джеральд Кларк скончался в миссионерской деревне до того, как мы смогли определить, откуда он пришел. Таким образом, цель нашей операции – проследить его путь и узнать, что случилось. Мы надеялись, что вам как сыну Карла Рэнда будет интересно принять участие в поисках.

Над столом повисла тишина.

Фрэнк прокашлялся и добавил:

– Доктор Рэнд, мы обратились к вам не столько из-за выдающихся заслуг в изучении джунглей и туземных народов, сколько потому, что вы, как никто другой, знали своего отца и его команду. Сведения такого рода были бы очень ценны во время рейда в отдаленную часть джунглей.

Нат все еще не находил слов от потрясения. За него ответил профессор Коуве.

– Теперь мне понятно, почему «Теллукс фармасьютикалс» пошел на финансирование операции, – спокойно проговорил он, кивая Ричарду Зейну. Тот осклабился. – Они никогда не упустят возможности нажать на чужой беде.

Ухмылка Зейна исчезла.

Коуве продолжил, переключаясь на Фрэнка и Келли:

– Но какой в этом прок ЦРУ? И для чего понадобилось подключать к делу военных? – Он, подняв бровь, повернулся к рейнджеру. – Не соблаговолите ли просветить нас – вы оба или, может быть, капитан?

Глаза Келли сверкнули. Фрэнк наморщил лоб, озадаченный точным выпадом профессора. Ответила сестра:

– Бывший солдат и эксперт по оружию Джеральд Кларк параллельно выполнял задания для ЦРУ. В экспедиции ему был поручен сбор информации о маршрутах судоперевозок кокаина в экваториальном бассейне.

Фрэнк мельком глянул на Келли, словно та слишком вольно распорядилась секретными сведениями.

Келли продолжила как ни в чем не бывало:

– Остальное вы узнаете только в том случае, если доктор Рэнд согласится сотрудничать. Все прочие данные – лишь для участников операции.

Коуве глянул на Ната с тревожным блеском в глазах.

Натан тяжело вздохнул.

– Если есть шанс узнать, что случилось с отцом, я не намерен его упускать. – Он повернулся к друзьям. – Да вы и сами знаете это.

Нат встал и поднял голову.

– Я пойду.

– Тогда и я тоже. – Манни вскочил с кресла и, оглянувшись вокруг, добавил, пока его не прервали: – Я уже совещался с начальством. Поскольку именно я возглавляю филиал ФУНАИ в этом районе, то могу предъявлять какие угодно условия и ограничивать вашу деятельность по своему усмотрению.

Фрэнк кивнул.

– Нас предупредили об этом час назад. Выбор за вами. Во всяком случае, с моей стороны возражений нет. Я прочел ваше досье. Ваш опыт биолога может пригодиться весьма кстати.

Следующим встал профессор Коуве. Он положил руку Нату на плечо и сказал:

– Раз так, вам потребуется и лингвист.

– Ценю ваше предложение. – Фрэнк помахал азиатке. – Но мы уже все предусмотрели. Доктор Анна Фонг – антрополог, специалист в области изучения туземных племен. Владеет дюжиной различных диалектов.

Натан хмыкнул.

– Не в обиду доктору Фонг, но профессор Коуве знает больше ста пятидесяти. Лучшего эксперта в этой области вам не найти.

– Доктор Рэнд совершенно прав, – вставила Анна. Ее голос оказался тихим и мелодичным. – Профессор Коуве – всемирно известный знаток племен Амазонии. Для нас было бы большой честью заручиться его поддержкой.

– И похоже, – добавила Келли, кланяясь пожилому коллеге, – к нашему счастью, профессор также весьма сведущ в лесной фармацевтике и тропической медицине.

Коуве ответил поклоном на поклон.

– Итак, как экспедиционный медик, я не возражаю против участия профессора, – сказала Келли брату.

Фрэнк пожал плечами.

– Одним больше, одним меньше... – Он повернулся к Нату. – Вас это устраивает?

Натан огляделся.

– Разумеется.

Фрэнк кивнул и объявил во всеуслышание:

– Тогда вернемся к работе. Поскольку мы встретили доктора Рэнда в городе, то идем с опережением графика, но нужно еще многое успеть, если мы намерены выступить на рассвете.

Когда все начали расходиться, Фрэнк обратился к Натану:

– Итак, посмотрим, что еще мы можем для вас прояснить.

Брат и сестра О'Брайен направились к одному из кабинетов. За ними прошествовали Натан с друзьями.

Манни обернулся, глядя на суматоху за спиной.

– И чего ради мы в это ввязались?

– Ради чуда, – донесся голос Келли, пока она пропускала всех в кабинет. – Зайдите и сами увидите.

Натан взял снимки агента Кларка и передал остальным.

– Хотите сказать, он отрастил себе новую руку?

Фрэнк обошел вокруг стола и уселся.

– Похоже на то. Отпечатки пальцев совпадают. Сегодня тело отправили на родину, из Манауса в Штаты. Завтра останки пройдут закрытую экспертизу, при поддержке организации «Медея».

– «Медея»? – переспросил Манни. – Где я мог слышать это название?

Келли ответила, не отрывая пристального взгляда от стены с топографическими картами.

– С самого своего основания в тысяча девятьсот девяносто втором году «Медея» активно занималась проблемой сохранения дождевых лесов.

– И что же все-таки такое эта «Медея»? – спросил Натан, выкладывая фото на столе.

– В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году прошло слушание в конгрессе по поводу того, можно ли считать секретные данные, собранные ЦРУ с помощью систем спутникового слежения, пригодными для изучения и мониторинга глобальных изменений окружающей среды или нет. В результате в тысяча девятьсот девяносто втором году была создана «Медея». ЦРУ собрало вместе более шестидесяти ученых из различных связанных с экологией областей, чтобы те анализировали данные, касающиеся природной среды.

– Понятно, – произнес Натан.

– Наша мать, – вставил Фрэнк, – была одним из основателей «Медеи» по линии медицины и проблем вредных отходов. Отец нанял ее, когда служил заместителем директора ЦРУ. Она будет руководить вскрытием агента Кларка.

Манни нахмурился.

– Ваш отец – заместитель директора ЦРУ?

– Бывший, – с горечью произнес Фрэнк.

Келли повернулась к картам спиной.

– Сейчас он директор комитета по окружающей среде при ЦРУ, подразделения, которое Алан Гор создал в девяносто седьмом по настоянию «Медеи». Фрэнк работает с ним.

– А вы? – спросил Натан. – Вы тоже из ЦРУ?

Келли отмахнулась.

– Она самый младший сотрудник «Медеи», – ответил Фрэнк не без гордости. – Высокая честь, между прочим. Потому-то нас и выбрали возглавлять операцию. Я представляю ЦРУ, Келли представляет «Медею».

– Ну разве не семейное дело, – сказал Коуве, усмехнувшись.

– Чем меньше тех, кто знает о задании, тем лучше, – парировал Фрэнк.

– Тогда какую роль во всем этом играет «Теллукс»? – спросил Натан.

Коуве ответил еще до того, как брат и сестра О'Брайены успели открыть рот:

– Неужели не ясно? Работу твоего отца финансировал и «Экотек», и «Теллукс», что сейчас одно и то же. Они владеют любой значимой информацией, полученной в ходе экспедиции. Если команда нашла некий состав с регенеративными свойствами, все права на него принадлежат «Теллуксу».

Натан посмотрел на Келли – та потупила взгляд. Фрэнк прямодушно кивнул.

– Он прав. Но даже в «Теллуксе» очень мало кто знает об истинной цели нашего рейда. Нат потрянул головой.

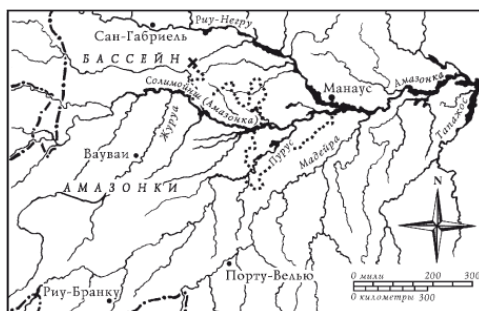
– Отлично. Лучше не придумаешь.

Коуве в утешение положил ему руку на плечо.

– Ну и пусть их, – вмешался Манни. – Каков наш первый шаг?

– Сейчас покажу. – Келли вернулась к картам на черной стене и указала на одну, висящую в центре. – Уверена, доктор Рэнд видел это не раз.

Тот глянул на карту. Он не просто видел – он знал ее как свои пять пальцев.

– Здесь отмечен маршрут, проложенный отцовской экспедицией четыре года назад.

– Именно, – подтвердила Келли, ведя пальцем вдоль извилистого пунктира от южной оконечности Манауса, по течению Мадейры вплоть до Порту-Велью, где линия уходила на север, в самое сердце Амазонии. – Дальше команда продвигалась зигзагами, пока не достигла небольшой малоизученной области, ограниченной с севера и юга притоками Амазонки.

Келли подвела палец к маленькому крестику на конце пунктира.

– Здесь оборвалась радиосвязь с экспедицией. Отсюда же отправлялись поисковые команды, правительственные и частные. – Она многозначительно посмотрела на Натана. – Что вам известно о ходе поисков?

Нат вышел из-за стола и встал возле карты. К нему возвращалось прежнее щемящее чувство потери.

– Поиски пришлось на декабрь, в разгар сезона дождей, – вполголоса проговорил он. – Над районом двигалось два мощных циклона. Сначала никто не придавал этому значения, как и некоторым другим фактам. Первый тревожный сигнал прозвучал, когда задержка сообщения растянулась почти на неделю при ясной погоде. Поначалу никто не испугался всерьез, ведь в экспедицию отправились люди, всю жизнь проводившие в джунглях. Что могло с ними случиться? Но когда провели пробные поиски, оказалось, что все следы экспедиции исчезли, были смыты дождем или затоплены вместе с джунглями. Здесь, – Нат ткнул в нарисованный крестик, – стояла вода, когда прибыли первые спасатели.

Он повернулся к остальным.

– Прошла неделя, потом еще одна. Пусто. Ни знака, ни слова... Пока не услышали тот последний, отчаянный вопль: «Пришлите подмогу... нам не продержаться... Господи, они тут повсюду!»

Нат тяжело вздохнул. Воспоминания о пережитом до сих пор не давали ему покоя.

– Сигнал был так засорен помехами, что голос опознать не удалось. Возможно, он принадлежал агенту Кларку.

В глубине души Нат был уверен в том, что говорил отец. Он снова и снова прокручивал пленку – запись его последних слов.

Натан устался в стол, заваленный документами и фотографиями.

– Три месяца поисковики прочесывали район, но после гроз и наводнений не находили ничего нового. Никаких знаков того, куда направилась экспедиция – на юг или север, запад, восток... – Он пожал плечами. – Да и как они могли что-то найти? Район поисков был обширней Техаса. В какой-то миг все сдались.

– Кроме вас, – тихо вставила Келли.

Натан сжал кулаки.

– А что толку? Мы так ничего и не выяснили.

– До сих пор, – поправила Келли. Она осторожно обошла его и указала на красный кружок, которого Нат не заметил. Он находился почти в двухстах милях к югу от Сан-Габриеля, у реки Журуа, впадающей в Солимоинш – западную часть Амазонки. – Здесь находится миссия Ваувай, где скончался агент Кларк. Вот туда мы завтра и направимся.

– А потом? – спросил Манни.

– Пойдем по следу Джеральда Кларка. Теперь у нас есть преимущество перед прочими командами.

– Какое же? – полюбопытствовал Манни.

Вместо Келли ответил Натан, стоя почти вплотную к картам на стене:

– Сейчас конец лета. Здесь больше месяца не было ливней. – Он глянул через плечо. – Возможно, нам удастся отследить его путь.

– Посему рейд приходится разрабатывать срочно и в ускоренном темпе. – Фрэнк поднялся. Опершись о стену, он мотнул головой в сторону карты. – Мы рассчитываем отыскать следы до того, как начнутся дожди и все смоют. Еще мы надеемся, что у Кларка хватило смекалки оставить какие-нибудь знаки – древесные метки, груды камней и так далее, чтобы провести нас туда, где его держали все эти четыре года.

Фрэнк вернулся к столу и вытащил широкий, сложенный пополам лист рисовальной бумаги.

– Вдобавок мы наняли Анну Фонг и теперь можем опросить всех, кого встретим: крестьян, индейцев, охотников – кого угодно. Посмотрим, не видел ли кто человека с такими отметинами. – Фрэнк развернул и разгладил бумагу, открывая их взорам сделанный от руки набросок. – Это эскиз татуировки с груди и живота агента Кларка. Мы надеемся, что сумеем найти людей, встречавших такой рисунок.

Профессор Коуве вздрогнул. Его реакция не прошла незамеченной.

– Что такое? – спросил Натан.

Коуве указал на бумагу. Там был изображен сложный спиралевидный узор, похожий на змею, обвивающую стилизованный отпечаток ладони.

– Плохо дело. Очень плохо.

Коуве порылся в карманах и вытащил трубку. Затем вопросительно посмотрел на Фрэнка. Тот кивнул.

Профессор достал кисет и, набив трубку местным сортом табака, зажег с одной спички. Натан отметил необычную для него дрожь в пальцах.

– Что это?

Коуве затянулся и с расстановкой ответил:

– Знак бан-али. «Ягуаров крови».

– Вам знакомо это племя? – спросила Келли.

Шаман выпустил долгую струю дыма и вздохнул, а затем покачал головой.

– Никому оно не знакомо. Слухи о нем ходят среди старейшин, передаются из поколения в поколение – рассказы о таинственном народе, в чьих жилах течет кровь ягуаров и который может растворяться в воздухе. Встреча с ним грозит смертью любому. Говорят, племя это древнее, как лес, и сами джунгли повинуются ему.

– Но я никогда не слышал о нем, – возразил Натан, – хотя работаю с племенами вдоль всей Амазонки.

– И доктор Фонг, антрополог из «Теллукса», тоже его не знает, – добавил Фрэнк.

– Ничего удивительного. Ваши отношения с туземцами могут быть сколь угодно близки, но для них вы навсегда останетесь пананакири, чужим среди своих. Они никогда не заговорят при вас о бан-али.

Нат невольно почувствовал себя уязвленным.

– Но я же...

– Нет, Натан. Я не сомневаюсь в твоих трудах и способностях, просто у большинства племен имена обладают особенной силой. Не многие отважатся произнести «бан-али», так как боятся навлечь на себя их ярость.

Коуве показал на рисунок.

– Если возьмете его с собой, показывайте с предельной осторожностью. Многие индейцы убили бы вас на месте за один этот листок. Для них нет большего нарушения табу, чем позволить такой картинке оказаться в деревне.

Келли нахмурилась.

– В таком случае едва ли агент Кларк заходил в деревни.

– Пожалуй, иначе живым бы он оттуда не вышел.

О'Брайены взволнованно переглянулись, затем Келли повернулась к Натану.

– Экспедиция вашего отца переписывала племена Амазонии. Вдруг он услышал об этих загадочных бан-али или нашел доказательства их существования, а потом решил разыскать?

Манни сложил рисунок.

– Возможно, ему это удалось.

Коуве уставился на тлеющий в трубке табак.

– Дай бог, чтобы мы ошибались.

Чуть позже, уладив большую часть дел, Келли смотрела вслед троице, которую рейнджер провожал до дверей пакгауза. Ее брат тем временем налаживал связь через спутник, чтобы посылать ежедневные отчеты начальству, включая отца.

Келли поймала себя на том, что следит за Натаном Рэндом. Она по-прежнему была в замешательстве от его появления в больнице и того, что произошло между ними. Но казалось, тот нечесаный, невымытый оборванец с носилками не имел ничего общего с другим Натом Рэндом – гладковыбритым и прилично одетым. Он и впрямь был довольно красив – светлые волосы, смуглая кожа и серо-голубые глаза. Даже манера удивленно приподнимать одну бровь была по-своему притягательна.

– Келли! – крикнул ее брат. – Тут кое-кто хочет с тобой поздороваться.

Устало зевая, Келли подошла к столу, за которым сидел Фрэнк. Последние приготовления и проверка оборудования подходили к концу. Келли уперлась ладонями в стол и заглянула в экран ноутбука. При виде двух знакомых лиц она невольно улыбнулась.

– Мама, Джесси ведь давно пора спать. – Она посмотрела на часы и что-то прикинула в уме. – Уже почти полночь.

– По правде сказать, первый час, милая.

Мать Келли вполне могла сойти за ее сестру – те же темно-рыжие волосы, и лишь морщинки у глаз пролегли чуть глубже и на носу сидели небольшие очки. Келли и Фрэнк родились, когда ей было всего двадцать два. Студентке медицинского колледжа и инженеру морской разведки двойня показалась более чем достаточным пополнением семейства. Других детей у них с тех пор не было.

Тем не менее Келли решила повторить судьбу матери, забеременев на четвертом курсе медицинской школы Джорджтауна. Правда, в отличие от матери, прожившей многие годы с отцом своих детей, Келли развелась с Дэниелом Никерсоном, когда застала его в постели с соседкой по общежитию. К счастью, у того хватило порядочности не оспаривать требование Келли о передаче ей полной опеки над их годовалой дочерью Джессикой.

Теперь шестилетняя Джесси стояла бок о бок с бабушкой. На ней была желтая пижама с диснеевской индианкой Покахонтас, а рыжие волосы были взъерошены, словно девочка только что встала с постели. Она помахала с экрана.

– Здравствуй, мамочка!

– Здравствуй, милая. Хорошо тебе у дедушки с бабушкой?

Джесси с готовностью закивала.

– Сегодня мы ходили в «Чак и Чиз»!

Келли засмеялась.

– Звучит здорово. Жаль, меня с вами не было.

– Мы оставили тебе пиццы.

Стоявшая сзади бабушка закатила глаза подобно всем бабушкам, которым приходилось иметь дело с «Чаком и Чизом».

– Мам, а ты уже видела льва?

Келли не удержалась и прыснула.

– Нет, дочка, львов тут нет. Они живут в Африке.

– А гориллу?

– Нет, они тоже из Африки. Зато мы видели других обезьян.

Джессика сделала большие глаза.

– А ты можешь привезти одну домой? Мне всегда хотелось свою обезьянку.

– Ей у нас вряд ли понравится. Ведь тогда она останется без мамы.

Мать Келли обняла девочку за плечи.

– Ну а нашей маме теперь надо поспать. Завтра ей рано вставать, и тебе, кстати, тоже.

Джессика надулась. Келли наклонилась к экрану.

– Я люблю тебя, Джесси.

Та помахала в ответ.

– Пока, мамочка.

Мать Келли улыбнулась на прощанье.

– Береги себя, дочка. Жаль, что я не с вами.

– У тебя и так полно работы. Кстати, пришел ли... э-э... – Ее взгляд метнулся на Джесси. – Груз в целости?

Лицо матери посерьезнело.

– Примерно в шесть он прошел таможеню в Майами, к нам в Виргинию прибыл в десять. Потом его перевезли в институт «Инстар». По правде говоря, отец все еще там – проверяет, все ли готово к завтрашнему осмотру.

Келли облегченно кивнула, узнав, что тело Кларка благополучно прибыло в Америку.

– Сейчас пойду укладывать Джесси, а завтра вечером снова свяжусь с тобой через спутник. Вы там берегите себя.

– Не волнуйся. Меня сторожит десяток рейнджеров, прямо убойная команда. Мне с ними спокойнее, чем в центре Вашингтона.

– И все-таки присматривайте друг за другом.

Келли оглянулась на Фрэнка, который между тем беседовал с Ричардом Зейном.

– Ладно.

Мать послала ей воздушный поцелуй.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, мамочка.

Связь прервалась, экран отключился.

Келли закрыла ноутбук и тяжело опустилась на стул рядом. Она вдруг почувствовала невероятную усталость и поглядела на остальных. Снаряжение в полной готовности дожидалось на «хьюи». С заботами было покончено, и ее мысли вернулись к красной змеевидной спирали, обвившейся вокруг голубой ладони, – символу бан-али, племени-призрака Амазонии.

Два вопроса не давали ей покоя: существует ли народ, наделенный столь сказочными возможностями? И если да, то хватит ли экспедиции десяти рейнджеров?

3

ДОКТОР И ВЕДЬМА

6 августа, 23 часа 45 минут

Кайенна, Французская Гвиана

Луи Фавре частенько называли пьяницей и негодяем, но только не в глаза. Ни при каких обстоятельствах. Первый горе-смельчак, отважившийся на это, теперь валялся в переулке гостиницы «Сена», грандиозной развалины колониальной эпохи, некогда воздвигнутой на вершине холма с видом на столицу Гвианы.

Еще минуту назад, в полумраке гостиничного бара, этот сопляк задирает одного из завсегдатаев – восьмидесятилетнего старика, бывшего узника острова Дьявола с его жуткой тюрьмой.

Со стариком Луи не разговаривал, но слышал его историю от хозяина бара. Ему, как и прочим ссыльным французам, дали двойной срок: после каторги, отбываемой в адской дыре в десяти милях от континента, заключенным приходилось прожить ровно столько же на колониальной земле. Таким способом Франция обозначала свое присутствие на территории Гвианы. В правительстве уповали на то, что большая часть отверженных кончит свои дни в ссылке. Да и как бы их встретила родина, после стольких-то лет?

Луи частенько наблюдал за стариком, видя в нем родственную душу, изгнанника, как и он сам. Мог часами смотреть, как тот потягивает чистый бурбон с выражением полной безысходности на морщинистом лице. Ему были очень дороги эти тихие моменты. Поэтому, когда в бар ввалился полупьяный англичанин, пихнул старика под локоть, расплескал его выпивку и как ни в чем не бывало прошлепал мимо, не потрудившись компенсировать урон или хотя бы извиниться, – Фавре вскочил с места и встал у него на пути.

– Отвали, лягушатник, – лениво бросил юнец.

Луи все еще загораживал главный выход из бара.

– Мсье, или вы купите новую выпивку моему другу, или будете иметь дело со мной.

– Я сказал: смойся, пьянь.

Англичанин попытался продвинуться мимо.

Фавре вздохнул и ударом кулака расквасил ему нос, а затем сгреб за лацканы поношенного пиджачка. Посетители снова уткнулись в стаканы, так что Луи без помех вышвырнул едва отошедшего от удара и долгих ночных возлияний нахала в переулок через заднюю дверь. Он ждал извинений и собирался получить их любыми путями, пусть даже в виде хрипов со сплевыванием крови и выбитых зубов. Когда Фавре дал отдых рукам и ногам, его бывший противник ползал в уличной пыли, залитый кровью и мочой. Напоследок Луи пнул его, упиваясь хрустом ребер, взял с крышки помойного бака оставленную панаму и одернул полы дорогого костюма. Бросив взгляд на туфли (бежевые, лаковая кожа), Фавре нахмурился, вынул накрахмаленный платок и стер кровь с носков. Потом искоса глянул на англичанина с мыслью о том, как бы врезать ему еще раз, но опять перевел взор на туфли и рассудил иначе.

Водрузив панаму на место, он вернулся в задымленный бар и подозвал бармена.

– Будьте добры, еще одну для моего друга, – указал он на старика.

Испанец-бармен кивнул и потянулся было за бутылкой, но Фавре перехватил взглядом его жест и погрозил пальцем. Поняв, что пойман с поличным, бармен прикусил губу. Луи всегда требовал лучшего, даже когда угощал друзей. Бармен внял предупреждению и достал бутылку марочного шотландского виски, гордость коллекции.

– Мерси.

Уладив дела, Луи направился ко входу в гостиничный вестибюль и по пути едва не столкнулся с консьержем.

Тщедушный консьерж поклонился и рассыпался в извинениях.

– Доктор Фавре! Я как раз вас искал, – произнес он, запыхавшись. – Международный звонок, просят вас пригласить. – Он протянул сложенный листок. – Они отказались продиктовать сообщение, говорят, это срочно.

Луи развернул листок и прочел аккуратно выведенные слова: «Сен-Савен биохимик компании». Французская фармацевтическая компания. Он снова свернул записку и сунул в нагрудный карман.

– Хорошо, я отвечу.

– Кабина для переговоров у нас...

– Я знаю, где она, – перебил его Луи.

Он уже не раз принимал там деловые звонки.

В сопровождении консьержа Фавре прошел к небольшому отсеку за столом регистратора. Оставив провожатого у входа, он уселся на стульчик с обивкой, насквозь пропахшей плесенью и застарелой смесью пота с одеколоном, устроился поудобнее и поднял трубку.

– Доктор Луи Фавре, – сдержанно представился он.

– Бонжур, доктор Фавре, – ответили на другой стороне. – Мы нуждаемся в ваших услугах.

– Если у вас есть мой номер, полагаю, расценки вам тоже известны.

– Так точно.

– Могу я поинтересоваться, какого класса услуги вам требуются?

– Премьер.

Одного этого слова оказалось достаточно, чтобы Фавре невольно принял трубку. Высший класс. Это значило, что сумма будет как минимум шестизначной.

– Место?

– Бразильская сельва.

– Моя задача?

Собеседник пустился в подробности. Луи слушал, не делая пометок. Каждая цифра и имя осели у него в памяти, особенно одно из них. Он прищурился и выпрямил спину. Собеседник закончил:

– Следует выследить американскую команду и перехватить все, что им удастся открыть.

– А другая команда?

Ответа не было, в трубке лишь что-то потрескивало.

– Я понял и принимаю задание, – произнес Луи. – Завтра до закрытия банка я должен получить на свой счет задаток – половину суммы. Далее, каждая деталь, касающаяся американской команды, будет высылаться мне по личному факсу, и чем скорее, тем лучше.

– В течение часа вы все получите.

– Отлично.

Послышались короткие гудки. Сделка состоялась.

Луи медленно повесил трубку и откинулся на спинку стула. Мысли о деньгах и многочисленные соображения насчет сбора команды он отодвинул на второй план. В его сознании вспыхнуло одно-единственное имя. Новый клиент упомянул о нем вскользь, видимо не понимая его истинной значимости. Будь по-другому, предложение «Сен-Савена» оказалось бы куда менее щедрым. По правде говоря, Луи согласился бы работать даже за бутылку дешевого пойла. Он прошептал заветное имя, точно смакуя на языке:

– Карл Рэнд.

Семь лет назад Луи Фавре работал биологом на службе у «Баз биологик националь де рещерш», первого во Франции научного общества. Будучи специалистом по экосистемам дождевых лесов, Луи объездил множество стран – Австралию, Борнео, Мадагаскар и Конго. Однако последние пятнадцать лет его исследования касались лесов Амазонии. Луи часто и помногу путешествовал в этих местах, добиваясь международного признания.

Так продолжалось до тех пор, пока его не угораздило встретить треклятого Карла Рэнда.

Владелец американской фармацевтической фирмы поставил под сомнение научные методы Фавре, после того как стал свидетелем допроса одного из шаманов. Доктор Рэнд не поверил, что упрямого индейца нельзя разговорить иначе, как поочередным отрезанием пальцев, и никакие уговоры не смогли убедить хнычущего янки в обратном. Кожи редкого черного каймана и ягуаровые шкуры, найденные в деревне, доверия к Фавре тоже не прибавили. Рэнд оказался просто не в состоянии понять, что доход с черного рынка может быть неплохим дополнением к образу жизни ученого.

К сожалению, Карл и его бразильские друзья превосходили числом Фавре и его спутников. По приказу местных властей Луи схватили и упрятали за решетку. К счастью, во Франции у него было достаточно связей, чтобы подмазать кое-кого из продажных чиновников и в результате оказаться на свободе, отделавшись легким шлепком.

Однако пощечина Карла Рэнда оказалась гораздо ощутимее. Инцидент навсегда запятнал доброе имя Фавре. Без гроша в кармане, он был вынужден скрываться во Французской Гвиане, где благодаря своей предприимчивости и старым связям на черном рынке ухитрился сколотить отряд лесных наемников. Последние пять лет он прикрывал перевозку наркотиков из Колумбии, вел отлов редких и исчезающих животных для частных зоопарков, избавил свет от одного несносного бразильского инспектора, контролирующего золотодобычу в регионе, и даже вырезал небольшую деревушку, жители которой протестовали против вырубки леса на своей территории. В общем, дел хватало везде.

А теперь подвернулось еще одно – проследить за взводом американцев, ищущих пропавшую экспедицию Рэнда, и присвоить все их находки. То есть в конечном итоге стать первым, кто заполучит некий регенеративный состав, который, как полагают, обнаружила команда Рэнда.

Фавре такая просьба не показалась странной. Гонка за новыми препаратами из растений тропических лесов с каждым годом набирала обороты, принося хозяевам многомиллионные прибыли. Поиски «зеленого золота», очередного чудо-лекарства, привели к началу новой, теперь уже амазонской, «золотой лихорадки». В нехоженных лесных дебрях, где миллионы долларов были брошены на нужды вечно голодных фермеров и неграмотных индейцев, коварство и жестокость были частыми гостями.

Они приходили и уходили незамеченными, вдали от посторонних глаз и бойких языков. Год от года джунгли собирали свою дань – тысячи людей гибли от болезней, нападений и увечий. Пропали там еще кто-нибудь – биолог, этноботаник, фармацевт, – что с того?

Здесь каждому что-то перепадало, и Луи Фавре был готов поучаствовать в дележе. С усмешкой на губах он встал. Ему было отрадно слышать об исчезновении Карла Рэнда четыре года назад. В ту ночь он напился, славя неудачу врага, а сейчас представился шанс поплясать на костях – выкрасть все наработки старого плута, окропив его могилу свежей кровью.

Луи щелкнул засовом кабинки и вышел наружу.

– Надеюсь, вы остались довольны, доктор Фавре, – залебезил консьерж из-за стойки.

– Более чем, Клод, – кивнул тот, – более чем.

Луи подошел к крохотному лифту, древней клетушке с кованой решеткой и деревянным полом, с трудом вмещавшей двоих. Он нажал кнопку шестого этажа, где находились его личные апартаменты. Ему не терпелось поделиться новостями.

Лифт скрипнул, задребезжал и потянулся вверх. Едва дверь открылась, Луи поспешил по коридору к дальнему номеру. Среди немногочисленных постоянных обитателей отеля Фавре занимал многокомнатный номер, куда входили две спальни, тесная кухня, просторная гостиная с зарешеченным балконом и даже подобие кабинета, уставленного книжными стеллажами. Не бог весть какое жилище, но для работы годилось. Персонал был хорошо вышколен и давно успел привыкнуть к чудачествам жильцов.

Луи распахнул дверь и вбежал, мгновенно отметив две небольшие перемены. Сперва он почувствовал знакомый пленительный аромат, наполняющий комнату. Он исходил от горшка на небольшой газовой плите, в котором кипели листья айахуски, чей отвар под названием «натем» обладал сильным галлюциногенным эффектом. Затем он услышал писк факсового аппарата, доносившийся из кабинета. Определенно, новый работодатель знал свое дело.

– Тшуи! – позвал Фавре.

Он не рассчитывал на ответ, просто у народа шуар было принято извещать о прибытии. Луи заметил, что дверь в спальню была чуть отворена.

Улыбнувшись, он прошел в кабинет и увидел, как факс выплевывает очередной рулон распечатки и тот падает на пол рядом с другими. Подробности предстоящей миссии.

– Тшуи, у меня отличная новость.

Луи поднял последний листок из груды на полу и просмотрел распечатку. В ней был перечень участников американской команды:

Получено в 22.45 с базовой станции «Альфа».

ОПЕР. «АМАЗОНИЯ», ГРАЖДАНСКИЙ СОСТАВ

Келли О'Брайен, д. м. н. – «Медея»

Фрэнсис О'Брайен – Комитет по охране окружающей среды, ЦРУ

Олин Пастернак – Управление наук и технологий, ЦРУ

Ричард Зейн, д. ф. н. – руководитель проекта, «Теллукс фармасьютикалс»

Анна Фонг, д. ф. н. – сотрудник «Теллукс фармасьютикалс»

ОПЕР. «АМАЗОНИЯ», ВОЕННЫЙ СОСТАВ

75-е армейское десантно-разведывательное подразделение

Капитан Крэг Ваксман

Старший сержант Альберто Костос

Капралы Брайен Конджер, Джеймс Де Мартини, Родни Грейвз, Томас Грейвз, Деннис Йоргенсен, Кеннет Окамото, Нолан Воржек, Шамад Ямир.

ОПЕР. «АМАЗОНИЯ», НАНЯТЫЕ НА МЕСТЕ

Мануэль Азеведо – ФУНАИ, подданный Бразилии

Реш Коуве, д. ф. н. – ФУНАИ, представитель туземного населения

Натан Рэнд, д. ф. н. – этноботаник, гражданин США

Луи едва не пропустил последнее имя. А увидев его, крепко сжал распечатку. Натан Рэнд, сын Карла Рэнда. Конечно, иначе и быть не могло. Мальчишка ни за что не упустит возможности поучаствовать в поисках. Фавре закрыл глаза, радуясь такому везению. Похоже, божества дремучего леса решили даровать ему свое покровительство. Кара, которой избежал отец, падет на голову сына. Чем не библейская история?

В этот миг он услышал легкий шорох в комнате напротив, в большей из спален. Луи разжал пальцы, и листок опустился обратно, на кучу бумаги. Будет еще время обдумать детали и сформулировать план. А пока он собирался насладиться предвкушением победы.

– Тшуи! – позвал он еще раз и подошел к спальне.

Дверь отворилась, и комната предстала перед ним в свете свечей и небольшой лампы. На постели под балдахином, полностью нагая, возлежала его пассия. Кровать была несколько шире обычной, крытая белым шелком со сложенной сзади москитной сеткой. Индианка раскинулась на подушках поверх отливающих слоновой костью простыней. На ее бронзовой коже плясали блики свечного пламени, а вокруг головы венцом разметались пряди великолепных черных волос. Глаза ее были полуприкрыты от истомы и натема – на прикроватном столике стояли две чашки, пустая и полная.

У Луи в который раз перехватило дыхание при виде подруги. Он встретил красавицу три года назад в Эквадоре. Она приходилась женой вождю шуаров, но лишь до той поры, пока этот глупый изменник не вывел ее из себя, за что и был зарублен собственным мачете. Несмотря на то что измены и убийства довольно часто практиковались среди вероломных шуаров, Тшуи изгнали из племени. Ее голой выслали в джунгли, объявив неприкасаемой даже для членов семьи.

В округе ее знали как знахарку, своего рода шамана в юбке, что само по себе было большой редкостью. Она применяла вавек, или искусство наложения злых чар, и своими талантами в области ядов, пыток и забытого искусства тсантсы – высушивания голов – внушала соплеменникам в равной мере уважение и страх. По правде сказать, тогда единственным украшением изгнанницы была сушеная голова мужа на бечевке, приютившаяся меж ее смуглых грудей.

В таком виде Луи нашел это дикое и прекрасное исчадие джунглей. Несмотря на то что во Франции его ждала законная супруга, он оставил женщину себе. Та, впрочем, не противилась, особенно после того, как Фавре с подручными вырезали в отместку за нее всех жителей деревни, включая женщин и детей.

С этого дня они сделались неразлучны. Тшуи, как истая мастерица ведения допросов, прекрасно знающая джунгли, всюду сопровождала Луи. С каждым походом ее страшная коллекция пополнялась – по всей комнате с полок смотрели сорок три тсантсы, каждая не больше сморщенного яблока. Веки и рот их были зашиты, а волосы свешивались с полок подобно бородатому мху. В этом искусстве индианка поистине не знала себе равных.

Как-то раз Луи довелось наблюдать ее за работой. И этого раза оказалось достаточно.

С хирургической точностью она чулком снимала кожу с черепа жертвы, подчас еще живой и сопротивляющейся. Тшуи была настоящей художницей своего жуткого дела. Выварив кожу с волосами в кипятке и высушив ее над углями, индианка при помощи костяной иглы зашивала отверстия и наполняла кожу горячей галькой и песком. Пока кожа сжималась, она пальцами придавала ей форму, добиваясь при этом удивительного портретного сходства.

Луи бросил взгляд на дальний прикроватный столик, где покоился ее свежий шедевр. То была голова офицера-боливийца, которому вздумалось пошантажировать некоего перевозчика кокаина. Работа поражала детальностью исполнения – от ухоженных усиков до спадающей челки на лбу. Любой музей мог бы гордиться такой коллекцией. Собственно, персонал «Сены» действительно считал Луи университетским антропологом, собирающим музейные образцы. Если кто и думал иначе, то благоразумно помалкивал.

– Ма шер, – произнес он, обрета голос. – Дорогая, у меня чудесные новости.

Она подкатилась ближе и произнесла что-то отрывистое и призывное. Тшуи вообще редко разговаривала – по словцу то тут, то там. В остальном же, как лесная кошка, она обходилась движением, взглядом или тихим мурлыканьем.

Луи не мог устоять. Шляпа и костюм упали на пол, и спустя мгновение они сравнялись в своей наготе. Его покрытое шрамами тело было мускулистым и поджарым. Он залпом проглотил оставленный настой, пока Тшуи исследовала один из его шрамов, прочерченный от живота к паху. По его спине пробежала дрожь.

В тот миг, когда зелье разлилось по его жилам, обостря чувства, Фавре ринулся к ней, податливой и манящей, погрузился в ее жаркую плоть. Разгоряченная поцелуями, индианка иступленно полосовала его острыми ногтями.

Вскоре комната покачнулась – алкалоиды чая затевали игру с его воображением. Краски, тень и свет заплясали по стенам. На секунду Луи померещилось, будто ряды иссушенных голов наблюдают за их утехами, будто мертвецы не сводят с него глаз, пока он и Тшуи сходятся во все нарастающем ритме. Это только придало ему возбуждения. Он подмял женщину под себя, не устая проникая в нее снова и снова с почти звериным рыком, рвущимся из груди.

С полок взирали слепые лица покойников.

Напоследок, прежде чем страсть и острое наслаждение заставили Фавре забыть обо всем, его посетила дикая мысль. Последним трофеем, украшением будуара станет подарок от сына врага, от сына того, кто разорил Луи, – голова Натана Рэнда.

Действие второе ПОД ПОЛОГОМ

БАРВИНОК

Семейство: Аросупасеae/кутровые.

Род: Vinca/барвинок.

Виды: major, minor/большой, малый.

Народное название: барвинок.

Лечебные части: все растение.

Фармакологические свойства: болеутоляющее, антибактериальное, антибиотическое, противовоспалительное, вяжущее, кардиотоническое, ветрогонное, очищающее, мочегонное, жаропонижающее, гемостатическое, гипотензивное, лактогенное, гепатозащитное, седативное, спазмолитическое, тонизирующее, ранозаживляющее.

4 БАУВАИ

7 августа, 8 часов 12 минут

Над сельвой

Бразилия

Натан смотрел из окна вертолета. Грохот винта, казалось, оглушал даже сквозь звуконепроницаемые наушники, заключая каждого пассажира в отдельный шумовой кокон.

Под ними во всех направлениях простиралось безбрежное море зелени. С вертолета мир казался сплошным лесом. Бесконечное однообразие зеленого покрывала оживляли лишь редкие деревья-гиганты, поднявшие буйные кроны над головами собратьев, лесные исполины, в чьих ветвях гнездились туканы и хищные гарпии. Еще его прорезали узкие, едва заметные ленточки рек, лениво петляющих в джунглях. В остальном же лес по-прежнему оставался бескрайним, густым и всеильным.

Натан прижался лбом к стеклу. Вдруг где-то там, внизу, его отец? Вдруг они найдут ключ к разгадке?

Душу Ната точили тревога и уныние. Сможет ли он посмотреть правде в глаза? Годы неведения научили его одному: время действительно лечит все, но оставляет грубые, непреходящие шрамы.

С исчезновением отца Нат отдалился от мира – сперва на дно бутылки «Джека Дэниелса», потом в объятия наркотиков.

Психиатры в Штатах могли сколько угодно сыпать фразами вроде «проблема покинутости», «кризис доверия» и «клиническая депрессия». Нат же просто чувствовал, что окончательно разуверился в жизни. Близких друзей он не нашёл, за исключением Манни и Коуве, а теперь замкнулся в самом себе, оцепеневший и уничтоженный.

Лишь возвращение в джунгли подарило ему подобие душевного покоя. А вот сейчас это...

Готов ли он беречь старые раны? Готов ли снова принять боль?

Головная рация щелкнула, заскрежетал неведомый микрофон и сквозь рокошующий грохот пробился четкий голос пилота:

– Мы в двадцати километрах от Ваувай. Правда, там какой-то дым на горизонте.

Нат попытался заглянуть вперед, но с его места открывалось только то, что было внизу или чуть в стороне от вертолета. Деревня Ваувай должна была стать перевалочной базой для поисковой команды, исходным пунктом. Сюда планировали забрасывать поставки и отсюда собирались следить за действиями команды в лесу. Два часа назад пара «хьюи» и один черный «команч» вылетели из Сан-Габриеля со стартовыми запасами, оборудованием, оружием и персоналом. По отбытии экспедиции из Ваувай этим же днем предполагалось при помощи «хьюи» наладить между Сан-Габриелем и Ваувай транзит провианта, людей и горючего. «Команч» все время будет находиться в Ваувай на крайний случай. Благодаря его вооружению и способности к дальним перелетам группа будет надежно прикрыта с воздуха.

Таков был их план.

– Похоже, дым идет в нашу сторону, – продолжил пилот. – Деревня горит.

Натан отстранился от иллюминатора. «Горит?» Он оглядел кабину. Помимо О'Брайенов его соседями были профессор Коуве, Ричард Зейн и Анна Фонг. Ряд замыкал невозмутимый тип, который вчера сидел напротив Ната за столом переговоров, с жутким шрамом поперек горла. Этим утром его представили как Олина Пастернака, агента разведки, связанного с правительственным отделом науки и технологии. Его льдисто-голубые глаза нацелились прямо на Ната, хотя лицо оставалось по-прежнему непроницаемым.

Сидящий бок о бок с ним Фрэнк поднес к губам микрофон:

– Приземлится-то можно?

– Отсюда трудно сказать, сэр, – ответил пилот. – Капитан Ваксман сейчас полетит и разведает обстановку.

На глазах у Ната один из вертолетов вылетел из строя и устремился вперед, тогда как их собственный стал заметно отставать. Пока они ждали, «хьюи» пошел на вираж, и Нат заметил столб дыма у горизонта – он пробивался сквозь зеленое покрывало, уходя высоко в небо. Пассажиры сгруппировались в кучу, вглядываясь вперед через бортовые оконца.

Келли О’Брайен невольно прижалась к плечу Ната, высматривая огонь. Она шевелила губами, однако наушники и рев мотора полностью глушили ее слова. Келли отодвинулась и поймала на себе взгляд Ната. Она тотчас отвела глаза и чуть заметно зарделась.

В наушниках снова послышался голос пилота:

– Похоже, капитан дает добро. Посадочное поле с наветренной стороны от пожара, так что готовьтесь высаживаться.

Все расселись по местам и пристегнули ремни. Плотная группа вертолетов облетала деревню. Каждый пилот следил за тем, чтобы поток от винта не сносил дым на посадочную площадку. Источник огня разглядеть пока не удавалось, зато при посадке Нат заметил цепочку людей с ведрами, уходящую к реке.

Показалась дощатая церковь с крашенной известью колокольной. Ее дальний придел был охвачен пламенем, а на крыше стоял человек, поливавший водой деревянную кровлю. Тут немного трянуло – вертолетное шасси ударились в землю, после чего Фрэнк подал сигнал к высадке.

Натан стянул наушники и тотчас попал под оглушительный рев пропеллера. Он отстегнул плечевой карабин и сполз на землю. Выбравшись из-под винтов, Нат встал во весь рост и огляделся. Где-то позади приземлился последний «хьюи». Колеса вертолетов стояли на некогда возделанной почве, теперь покрытой сорняками – верный знак того, что раньше здесь располагался деревенский сад.

По ту сторону двора уже кипела работа. Часть рейнджеров выгружала припасы и оборудование, тогда как остальные бросились к церкви – помогать с тушением пожара.

Мало-помалу шум вертолетов утих и стали слышны голоса – крик командиров, вопли паники позади церкви, гомон солдат, разносящих коробки с приборами.

К Нату подошла Келли, а следом за ней – Фрэнк.

– Надо попробовать встретиться с падре, который нашел агента Кларка. Поговорим с ним, и можно выдвигаться.

Фрэнк кивнул и отправился с сестрой к задним воротам.

Нату на плечо легла чья-то рука. Оказалось – профессора Коуве.

– Пойдем поможем, – по-отечески произнес он, показывая на дым.

Нат пошел за профессором. Они прошли через поле и свернули за угол церкви. Там стояла невообразимая кутерьма – носились люди с ведрами и лопатами, дым валил во все стороны, пламя неистовствовало.

– Боже мой, – вырвалось у Ната.

Между речкой и церковью приютилась деревня почти в сотню хижин. Три четверти их были охвачены огнем.

Друзья поспешили вперед – на подмогу водоносной бригаде. Вокруг них суежилась разномастная толпа – смуглые индейцы, белые миссионеры, рейнджеры в камуфляже... После часа совместных усилий все они стали на одно лицо – одинаково покрытые сажей, вместе кашляющие и задыхающиеся в дыму.

Нат носился взад-вперед с ведрами среди тех, кто всеми силами сдерживал наступление огня со стороны горящей части деревни, где крытые листьями хижины мгновенно вспыхивали,

словно гигантские факелы. С прибытием подмоги огонь все же удалось остановить. Не найдя себе выхода, он поглотил все, что оказалось в его власти, и в конце концов угас, оставив после себя тлеющие угли, чад и разорение.

В суматохе Нат потерял профессора из виду и теперь присел отдохнуть рядом с высоким, широкоплечим бразильцем. Тот, казалось, едва сдерживал слезы, бормоча по-португальски что-то похожее на молитву. «Миссионер, должно быть», – догадался Нат.

– Прошу простить меня, – сказал он на португальском, стаскивая со рта и носа лоскут, служивший противодымной повязкой. – У вас кто-то погиб?

– Пятеро... Дети... – Голос бразильца дрогнул. – И еще многие пострадали от дыма.

– Что здесь случилось?

Миссионер вынул платок и отер с лица сажу.

– Я... я один во всем виноват. Я ведь должен был это предвидеть...

Он обернулся и глянул на храм с колокольной. Если не считать пятен пепла и копоти, они не пострадали от пожара. Священник опустил лицо в ладони. Спина его тихо вздрагивала от рыданий. Прошла минута, прежде чем он смог продолжить:

– Это я настоял на отправке тела в Манаус.

Натан вдруг понял, с кем говорит.

– Падре Батиста?

Так звали главу местной миссии – именно он обнаружил агента Кларка.

Рослый бразилец кивнул.

– Да простит меня Бог.

Нат повел Гарсия Луиса Батисту из почерневших развалин деревни через нетронутые огнем зеленые поля в сторону церкви. По дороге он кратко представился. Поравнявшись с одним из рейнджеров, покрытым сажой и потом, Натан попросил его направить к ним О'Брайенов. Рейнджер откозырял и удалился.

Нат помог падре взойти по деревянным ступенькам и проводил его внутрь через двустворчатые двери. В церкви было темно и прохладно. Ряды полированных скамей окаймляли центральный проход к алтарю с огромным распятием красного дерева. Зал был почти пуст за исключением нескольких изможденных индейцев, расположившихся на полу и скамьях. Нат пропустил падре вперед и усадил в первом ряду.

Гарсия тяжело опустился, не сводя глаз с распятия.

– Все из-за меня.

Он уронил голову и воздел руки в молитве.

Нат сидел тихо, не смея прервать уединения миссионера. Затем двери храма распахнулись, и в проеме показались Келли и Фрэнк в компании профессора Коуве. Все трое были с головы до ног покрыты сажой и пеплом. Нат помахал им рукой.

Приближение незнакомцев отвлекло падре Батисту от молитв. Натан представил священника остальным. Когда все познакомились, он сел возле падре и попросил:

– Объясните нам, что здесь произошло. Как начался пожар?

Гарсия оглядел всех по очереди, тяжело вздохнул и устался на носки башмаков.

– Всему виной мое легкомыслие.

Келли села по другую руку от священника.

– Что вы хотите сказать? – осторожно спросила она.

После секундной паузы падре снова заговорил:

– В ту ночь, когда бедняга вышел из леса, шаман яномамо клял меня за то, что я привел его в деревню. Он предупреждал, что тело должно быть сожжено. – Падре посмотрел Нату в глаза. – Как я мог сделать такое? Наверняка этот Кларк был человек семейный. Возможно, даже христианин.

Натан похлопал его по руке.

– Разумеется.

– И все-таки рано я сбросил со счетов предрассудки индейцев. Я обманулся, сочтя их готовыми принять католичество, многих даже крестил. – Падре качал головой.

– Не стоит себя винить, – подбодрил его Нат. – Просто некоторые верования так сильны, что с ними невозможно расстаться сразу, даже приняв крещение.

Батиста поник головой.

– Поначалу все шло хорошо. Шаман позлился на меня за отказ кремировать тело, но затем немного остыл, узнав, что его вывезут из деревни. По крайней мере, выглядел довольным.

– А что было потом?

– Неделью спустя у двоих детей началась лихорадка. Ничего особенного в том не было – такие вещи случаются каждый день. Но шаман рассудил, что болезнь была вызвана проклятием, которое принес с собой мертвец.

Натан кивнул. Он собственными ушами слышал подобные измышления. В понятии многих индейцев болезни вызываются не столько травмами или заразой, сколько колдовством шамана из соседней деревни. На этой почве нередко вспыхивали войны.

– Я ничем не смог переубедить их. Через несколько дней заболело еще трое, в том числе ребенок яномамо. У индейцев стали сдавать нервы. Несколько семей даже снялись и уехали. Распевы шаманов и бубны гудели всю ночь напролет.

Гарсия закрыл глаза.

– Я радировал о медицинской помощи, а когда через четыре дня приехал доктор из Джанты, никто из индейцев не позволил ему осмотреть детей. Шаман яномамо их всех подговорил. Я ходил к ним, просил, но они наотрез отказались лечиться. Отдали детвору этому шарлатану.

Нат хмыкнул, услышав острое слово. Он переглянулся с профессором Коуве – тот слегка тряхнул головой, призывая сохранять молчание.

Падре продолжил:

– В одну из ночей умер первый ребенок. Его оплакивала вся деревня. Чтобы скрыть неудачу, шаман объявил место проклятым и призывал срочно покинуть его. Я как мог старался остановить панику, но все шло на поводу у шамана. На заре он и его сподручные подожгли свое шабоно и сбежали в джунгли.

Гарсия плакал, не скрывая слез.

– Этот... этот ирод оставил детей там. Он сжег их всех заживо!

Падре закрыл лицо ладонями.

– Тушить огонь было почти некому, вот он и перекинулся на соседние хижины. Если бы вы не подоспели, сгорело бы все. И церковь моя, и паства.

Натан тронул его за плечо.

– Не отчаивайтесь. Мы поможем вам отстроиться заново.

Он оглянулся на Келли с братом, чтобы те подтвердили.

Фрэнк прочистил горло.

– Разумеется. Группа рейнджеров и ученых останется здесь после того, как мы уйдем в джунгли. Так что ваши гости и наши коллеги с радостью согласятся доставить сюда материалы и поработать на восстановление деревни.

Эти слова, видимо, ободрили священника.

– Благослови вас Господь.

Он промокнул глаза и высморкался.

– Сделаем все, что в наших силах, падре, – заверила его Келли. – Но у вас свои сроки, а у нас – свои. Мы надеемся отследить путь покойного прежде, чем пойдут дожди.

– Конечно, конечно, – устало произнес Гарсия и встал. – Расскажу все, что знаю.

Впрочем, рассказ не занял много времени – падре все объяснил по дороге в людские помещения церкви. Столовая превратилась в лазарет для пострадавших от дыма, но тяжелораненых там не было. Гарсия поведал о том, как он убедил нескольких индейцев отправиться по следу покойного на случай, если тот пришел не один. Тропа привела их к реке – притоку Журуа. Лодки на берегу не было, однако дорожка следов уходила в сторону – на запад, в самую чащу тропического леса. Индейцы-след опыты побоялись продолжить путь и вернулись обратно.

Келли прислонилась к окну с видом на сад.

– Кто-нибудь может показать нам этот приток?

Гарсия кивнул. Он только что умылся и, похоже, собрался с силами. Первоначальное потрясение сгладилось, и теперь в его голосе и действиях чувствовался металл.

– Я могу позвать Хенаове, моего помощника. Он вас проводит.

Падре указал на низкорослого человечка.

Нат удивился, признав в нем яномамо.

– Он единственный, кто не покинул деревни, – пояснил Гарсия со вздохом. – Остается порадоваться, что милостью Господней хотя бы один из них спасся.

Падре махнул ассистенту и быстро что-то произнес на языке яномамо. Его беглый выговор приятно поразил Ната.

Хенаове кивнул, но в глазах его Нат прочел страх. Что бы ни говорили, индеец все еще оставался во власти вековых предрассудков.

Компания вышла на улицу, где душное марево тотчас окутало их влажным шерстяным одеялом. Они обогнули вертолетную площадку и встретили рейнджеров за работой. В пыли перед десантниками выстроилась цепочка рюкзаков, набитых доверху. У каждого стояло по человеку.

Капитан Ваксман вел проверку снаряжения и подчиненных. Заметив Ната с товарищами, он вытянулся как по команде.

– Готовы к отправке, ждем ваших распоряжений.

Ваксман, которому было больше сорока, являл собой типичного вояку – сурового широкоплечего командира с отутюженной до хруста формой. Картину довершал темный «ежик» стриженных волос.

– Выступаем сейчас, – сказал Фрэнк. – Кое-кто поможет нам сориентироваться.

Он указал на индейца.

Капитан кивнул и развернулся на пятках.

– На плечо! – скомандовал он.

Келли подвела остальных к другой чередой рюкзаков, лишь вполовину меньше тех, что достались десантникам. Там Натан нашел прочих членов команды. Анна Фонг увлеченно беседовала с Ричардом Зейном. Оба были одеты в костюмы защитного цвета с логотипом «Тел-лукса» на плечах. Рядом с ними стоял Олин Пастернак в серой спецовке и черных ботинках – чистых, но изрядно поношенных. Агент нагнулся за самым большим ранцем. Нат вспомнил, что в нем находились приборы для связи со спутником. Однако Олину было не до хрупких приборов, когда он взваливал рюкзак на себя, – его внимание привлек последний участник похода. А точнее, участники.

Нат улыбнулся. Он и Манни не виделись с момента вылета из Сан-Габриеля. Бразильский биолог отправился на другом «хьюи», и причина расставания объявилась тут же. Манни помахал Нату, сжимая в одной руке хлыст, а в другой – кожаный поводок.

– Ну и как Тор-Тор вел себя по дороге? – любопытствовал Натан.

Манни похлопал стокилограммового питомца по бокам.

– Как котенок. Чего только не сделаешь, с нашей-то химией.

Натан заметил, что ягуара пошатывает после транквилизатора. Тор-Тор подался вперед, чтобы понюхать Натову штанину, потом, видимо, узнал запах и ошалело принялся его втягивать.

– Я же говорил, этот увалень к тебе неровно дышит, – усмехнулся Манни.

Нат присел на колено и почесал огромному коту баки, слегка пошлепывая по подбородку. В ответ раздалось громовое благодарное мурлыканье.

– Боже, он так вымахал с прошлого раза.

Олин Пастернак угрюмо покосился на зверюгу, что-то проворчал и отвернулся. Такое пополнение его явно не вдохновляло.

Натан поднялся. Для многих присутствие Тор-Тора означало сплошные проблемы, но Манни стоял на своем. Зверь почти достиг половозрелости и должен был проводить больше времени в джунглях. Переход пойдет ему только на пользу. Вдобавок Манни хорошо натаскал ягуара, а лишний охранник или ищейка в команде никогда не помешает.

У Ната были свои соображения на этот счет. Если они собирались заручиться поддержкой индейцев, то подопечный Манни мог помочь в этом деле. Во всех племенах ягуары считаются священными, и с таким спутником команда завоюет авторитет местных жителей без особых хлопот. Анна Фонг с ним согласилась. После этого Фрэнк с капитаном Ваксманом мало-помалу сдались, и Тор-Тору позволили участвовать в экспедиции.

Келли предпочла рассматривать зверя издали.

– Надо спешить.

Натан кивнул и поднял свой небольшой рюкзак. Там было лишь необходимое – гамак, москитная сетка, сухой паек, смена одежды, мачете, бутылка с водой и насосный фильтр. Нат мог месяцами скитаться по джунглям, обходясь самым малым. Здешний лес изобилует дарами – от плодов, ягод, пищевых растений и корнеплодов до всевозможной дичи и рыбы, поэтому не было смысла тащить на себе все съестное.

Однако оставалась последняя, немаловажная часть снаряжения. Нат повесил на плечо дробовик. «Со своим стволом все же спокойнее, – рассудил он, – пусть даже десантники и вооружены до зубов».

– Ну что, стартуем? – произнесла Келли. – Мы и так потеряли все утро из-за пожара.

Высокая и стройная, она вскинула на спину рюкзак. Нат невольно залюбовался ее длинными ногами, но тут же сделал над собой усилие и поднял глаза. Рюкзак Келли был помечен большим красным крестом, обозначающим экспедиционную аптечку.

Фрэнк обежал ряды гражданских участников, чтобы убедиться во всеобщей готовности. Перед Натом он задержался, вытащил из кармана выдавшую виды бейсболку и водворил ее на макушку.

Нат тут же узнал кепку – она была на Фрэнке в день их знакомства в больнице Сан-Габриеля.

– Любимая команда? – спросил он, показав на эмблему бостонских «Ред сокс».

– И талисман, – добавил Фрэнк, повернувшись к группе. – Выступаем!

С этими словами цепочка из восемнадцати человек потянулась в джунгли, ведомая настороженным индейцем.

Келли очутилась в джунглях впервые. Во время подготовки она просмотрела уйму книг и статей, но знакомство с тропическим лесом прошло совсем не так, как она предполагала.

Шагая вслед за четырьмя рейнджерами, Келли озиралась в изумлении. Здесь не было ничего общего со старым кино, где подножие леса выглядело конгломератом буйной растительности и ползучих лиан. Совсем напротив – казалось, что они бредут внутри огромного зеленого собора. Где-то в вышине переплетения ветвей образовывали плотный арочный свод, забирая большую часть света и погружая все под собой в зеленоватое сияние. Келли читала,

что лишь десяти процентам солнечных лучей удастся проникнуть сквозь сплошной зеленый полог и достичь подстилки. По этой причине нижний лесной ярус, в котором лежал их путь, был на удивление беден растительностью. Джунгли здесь преобразались в царство сумрака и разложения, вотчину насекомых, грибов и корней.

Несмотря на отсутствие зелени, путь через нехоженный лес был отнюдь не легкий. Повсюду встречались гнилые стволы и трухлявые ветки, тронутые желтой плесенью и белой сыпью грибов. Скользкий компост из преющей черной листвы так и норовил разъехаться под ногами, а корни-контрфорсы лесных великанов, извивающиеся в опавшей листве, добавляли риска вывихнуть лодыжку.

Зелень в нижнем ярусе, впрочем, тоже встречалась, хотя и не столь обильная. Поверхность земли украшали резные папоротники, остролистые бромелиевые, грациозные орхидеи и стройные пальмы, не говоря уже о вездесущих стеблях-канатах лиан.

Внимание Келли привлек звук шлепка сзади. Ее брат потирал шею.

– Чертовы мухи.

Келли протянула ему пузырек средства от насекомых.

– Намажь еще.

Фрэнк побрызгал на руки и растер ими шею.

К ним подошел Натан. На нем была шляпа-австралийка с короткими полями, превратившая его в нечто среднее между Индианой Джонсом и Данди по прозвищу Крокодил. Голубые глаза Ната задорно блеснули в зеленых отсветах джунглей.

– Зря стараетесь с этим лосьоном, – бросил он Фрэнку. – Мажь не мажь, через минуту его все равно смоем потом.

С этим было трудно поспорить. Прошло лишь пятнадцать минут перехода, а Келли уже взмокла насквозь. Под лиственным пологом влажность воздуха приближалась к стопроцентной.

– Ну и как прикажете бороться с москитами?

Нат пожал плечами, криво ухмыльнувшись.

– Никак. Просто не обращать внимания. Ничего не поделаешь. Здесь правит закон джунглей, и порой приходится откупаться.

– Собственной кровью? – возмутился Фрэнк.

– Бросьте, вы еще легко отделались. Здесь водятся твари похуже, и необязательно крупные, вроде пауков-птицеедов или черных скорпионов с ладонь. Больше всего досаждают мелюзга. Вы когда-нибудь слышали о клопе-убийце?

– Кажется, нет, – ответил Фрэнк.

Келли тоже покачала головой.

– В общем, этот клоп славится мерзкой привычкой кусать и гадить одновременно. Потом жертва расчесывает ранку, фекалии попадают в кровоток, а вместе с ними – тьма простейших под названием трипаносома круции. В результате в срок от года до двадцати – неизбежная смерть от поражения мозга или сердца.

Фрэнк побледнел и сразу бросил чесать шею.

– А еще есть мошка, которая заносит в глаза червей и вызывает болезнь под названием речная слепота. И песчаные мухи – переносчики лейшманиоза, напоминающего проказу.

Келли нахмурилась в ответ на попытки раззадорить ее брата.

– Спасибо, я хорошо знакома с местной заразой. Желтая, тропическая лихорадка, малярия, холера, тиф. – Она вскинула повыше аптечный рюкзак. – Нас готовили к худшему.

– А к кандиду вас тоже готовили?

Келли подняла бровь.

– Что за странная болезнь?

– Это не болезнь. Это обычная рыбка из местных вод, которую иногда называют «зубочисткой». Похожа на угря, только двух дюймов длиной, паразитирует в жабрах более крупных сородичей. Что самое неприятное, любит внедряться в мужской мочеиспускательный канал и там застревать.

Фрэнк передернуло.

– Застревать?

– Растопыривает жаберные крышки с шипами и оседает там, закупоривая мочевой пузырь, из-за чего вы целые сутки будете умирать мучительной смертью.

– И как же от нее избавиться?

Теперь Келли вспомнила приметы и описание повадок этой рыбешки, о которых и впрямь когда-то читала. Она повернулась к брату и как бы между прочим обронила:

– Единственное средство – отрезать пострадавшему член и извлечь паразита.

Фрэнк вздрогнул, прикрывшись руками.

– Отрезать?

– Добро пожаловать в джунгли, – пожал плечами Нат.

Келли насупилась, видя, что он их просто страшит – смеха ради, судя по ухмылке.

– Перейдем к змеям, – продолжил Натан.

– На сегодня достаточно, – послышался из-за его спины голос профессора Коуве, решившего избавить близнецов от «лекций» доктора Рэнда. Он выступил вперед. – Джунгли, несомненно, требуют вдумчивого к себе отношения, что пытался нам столь красочно продемонстрировать доктор Рэнд, однако опасность вовсе не умаляет их прелести. Исцелять они способны ничуть не меньше, чем губить.

– Затем мы здесь и собрались, – подытожил чей-то голос сзади.

Келли обернулась. Это был доктор Ричард Зейн. За его спиной, увлеченные разговором, шагали Анна Фонт и Олин Пастернак. Не отставая от рейнджеров, шествие замыкал Мануэль Азеведо со своим ягуаром.

Келли посмотрела вперед и увидела, что Нат больше не ухмыляется. Он заметно напрягся после внезапной реплики сотрудника «Теллукса».

– А вы-то что знаете о джунглях? – вскипел он. – Вы, помнится, отсиживались в главном офисе в Чикаго... как раз в те годы, когда исчез отец.

Ричард Зейн пригладил эспаньолку, продолжая сохранять невозмутимость, но Келли все же уловила странный блеск в его глазах.

– Я знаю, кем вы меня считаете, доктор Рэнд. Это еще одна из причин, по которой я согласился участвовать в экспедиции. Мы с вашим отцом были большими...

Нат шагнул в сторону Зейна, сжав кулаки.

– Не смейте! – выкрикнул он. – Не смейте говорить, что вы с отцом были друзьями! Я приходил к вам, умолял продолжать поиски, когда правительство их свернуло. Вы отказали. Я читал донесение, отправленное вами из Бразилии в Штаты: «Не вижу необходимости более расходовать средства на бесперспективные поиски доктора Карла Рэнда. Предлагаю сберечь их для других начинаний». Помните эти слова – приговор моему отцу? Если бы вы потрудились убедить кабинет...

– Ничего бы не изменилось, – процедил Зейн. – Раскройте глаза наконец! Решение было принято еще до того, как я выслал отчет.

– Вранье, – отрезал Нат.

– После пропажи экспедиции на команду обрушилось свыше трех сотен исков – от семей, от страховщиков, от бразильского правительства, от научного фонда. «Теллукс» осаждали со всех сторон. Отчасти из-за этого мы решили слить активы «Экотека» с нашими. Благодаря им мы избавились от посягательств конкурентов. Они рыскали кругом, как акулы, пытаясь отхватить кусок от экономически обескровленной туши «Теллукса». Мы были не в

состоянии спонсировать заведомо безнадежные поиски – нам требовалось как-то выстоять. Решение уже было принято.

Нат по-прежнему глядел исподлобья.

– Вы уж позвольте мне как-нибудь не убиваться по «Теллуксу».

– Если бы мы проиграли, тысячи семей лишились бы работы. Порой приходится идти на суровые меры, и здесь не в чем каяться.

Нат и Зейн еще раз смерили взглядом друг друга. Профессор Коуве попытался разрядить обстановку:

– Что было, то прошло. Если мы хотим чего-то добиться, надо действовать сообща. Предлагаю мир.

Немного помявшись, Зейн протянул ладонь. Натан бросил на нее взгляд и отвернулся.

– Пошли.

Зейн покачал головой и опустил руку, затем посмотрел на профессора.

– Спасибо за попытку.

Коуве глядел вслед удаляющемуся Нату.

– Дайте ему время. Он все еще очень страдает, хотя и старается не подавать виду.

Келли тоже провожала его взглядом. Нат шагал порывисто, ссутулив спину. Она попыталась представить, что чувствовала бы, случись ей потерять мать и отца, но это не укладывалось в ее голове. Она даже не знала, удалось бы ей выбраться из такой бездны горя, тем более в одиночку.

Келли оглянулась на брата, внезапно обрадовавшись тому, что он рядом.

Впереди раздался чей-то голос. Один из рейнджеров прокричал:

– Прямо по курсу река!

Команда продолжала путь, двигаясь параллельно реке, а Натан незаметно для себя оказался в хвосте процессии. Справа от него сквозь зеленую завесу проникали блики с поверхности узкого бурого притока. Прошло уже больше четырех часов с момента поворота. По подсчетам Ната, они прошагали около двенадцати миль. Шли не спеша, так как направление контролировал один из рейнджеров, капрал по имени Нолан Воржек, следопыт со стажем. С индейцем выходило бы быстрее и увереннее, но после встречи с рекой индеец-яномамо отказался двигаться дальше. Он указал на четкие отпечатки ног в береговой почве, которые углублялись в лес вдоль берега.

– Вы идите, – пробормотал он на ломаном португальском, – а я остаюсь с падре Батистой.

Так они и отправились, полные решимости пройти как можно дальше до наступления темноты. Между тем капрал Воржек, несмотря на опыт, не мог соперничать с индейцем, и, оставшись без прежнего провожатого, отряд двигался с черепашной скоростью. Это дало Натану время пересмотреть сказанное в пылу спора с Зейном. Только теперь он смог успокоиться и трезво обдумать его слова. Быть может, он мыслил слишком предвзято и не учел всех факторов... Кто знает?

Внезапно хруст сломанной ветки слева предупредил о приближении Манни. Они с Тор-Тором держались поодаль от остальных. По соседству с огромной кошкой рейнджеры начинали нервничать и хвататься за винтовки. Единственным, кто проявил интерес к ягуару, оказался капрал Деннис Йоргенсен. Сейчас он шагал рядом с Манни, расспрашивая его о питомце.

– И сколько же он съедает в день?

Верзила капрал снял широкополую шляпу и смахнул со лба пот. У него были удивительно белые волосы и светло-голубые глаза, несомненно доставшиеся в наследство от скандинавских предков. Манни похлопал зверя по спине.

– Около пяти килограммов мяса. Но вместе со мной он мало двигается. А вот на воле можно смело прибавить еще столько же.

– Чем же вы намерены кормить его здесь?

Манни кивнул Нату, решившему присоединиться к их компании.

– Здесь ему придется охотиться. Потому-то я и взял его с собой.

– А если он не сумеет?

Манни оглянулся на идущих сзади солдат.

– Всегда найдется кем закусить.

Йоргенсен слегка побледнел, но потом сообразил, что Манни шутит, и пхнул его локтем.

– Очень смешно.

Капрал зашагал в сторону, чтобы примкнуть к другим десантникам в строю.

Тем временем Манни переключился на Ната.

– Ты как? Я слышал, вы с Зейном сцепились.

– Порядок, – выдавил Натан после долгого вздоха. Тор-Тор потерял о его ногу мохнатой мордой, и Нат привычно почесал его за ухом. – Только чувствую себя идиотом.

– Ничего идиотского не вижу. Я и сам ему верю ровно столько, сколько хватит Тор-Тору, чтобы завалить этого проныру. Чего, впрочем, ждать осталось недолго. – Манни вытянул руку. – Вишь, как вырядился? Он хоть раз в джунглях-то бывал?

Нат улыбнулся – Манни удалось его приободрить.

– А эта доктор Фонг ничего. И костюмчик на ней сидит – будьте здоровы. – Манни поднял бровь. – Пожалуй, не стал бы гнать ее из палатки, даже наоборот. А с Келли О’Брайен...

Впереди возникла какая-то суматоха, и он умолк на полуслове. Группа остановилась, толпясь у речной излучины. Говорили на повышенных тонах. Манни и Нат устремились туда.

Просочившись в толпу, Натан увидел Анну Фонг и профессора Коуве, согнувшихся над долбленой пирогой. Она была вытащена на берег и наспех заброшена пальмовыми ветвями.

– След шел отсюда, – пояснила Келли.

Нат посмотрел на нее. Лицо доктора, покрытое испариной, казалось почти сияющим. Ее волосы были собраны за скатанный зеленый платок, служивший налобной повязкой.

Профессор Коуве стоял с пальмовой ветвью в руке.

– Сорвана с пальмы мвапу. – Он перевернул ее, чтобы показать неровный слом. – Не срезана, а именно сорвана.

Келли кивнула.

– У агента Кларка не было при себе ножа, когда его обнаружили.

Коуве провел пальцем по сухому пожелтевшему краю листа.

– И, судя по состоянию, ее сорвали около двух недель назад.

Фрэнк наклонился ближе.

– Примерно тогда, когда Джеральд Кларк появился в деревне.

– Именно.

Голос Келли звучал взволнованно:

– Значит, он, бесспорно, пользовался лодкой для переправы сюда.

Натан осмотрел реку. Оба берега были густо покрыты растительностью – плетями лиан, пальмами, кустарниками, плющами, мхами и папоротниками. Сама речушка была всего десяти метров шириной – безликий, илесто-бурый поток. У берегов вода была достаточно прозрачной, чтобы проявить грязное каменистое дно, однако уже через метр видимость пропадала.

Под водой могло скрываться все, что угодно: змеи, кайманы, пираньи. Встречались здесь и сомы-великаны, способные откусить ноги незадачливым пловцам.

Капитан Ваксман прорвался вперед.

– Так куда нам теперь направляться? Лодки нам могут подбросить по воздуху, но что дальше?

Анна Фонг подняла руку.

– Думаю, я отвечу на этот вопрос. – Она сбросила остальные ветви с пироги и принялась ощупывать борт своими изящными пальцами. – Судя по манере вырубки и бортам, окра-

шенным красной краской, лодка принадлежит яномамо. Такая конструкция характерна для их племени.

Нат наклонился и провел рукой вдоль внутренних бортов лодки.

– Она права. Джеральд Кларк приобрел или, скорее всего, украл пирогу у этого племени. Если мы отправимся выше по течению, то сможем расспросить любого яномамо о пропаже пироги или о белом пришельце. – Он обернулся к Фрэнку и Келли. – А потом оттуда продолжить поиск следов.

Фрэнк молча кивнул и обратился к капитану Ваксману:

– Вы, кажется, говорили про лодки?

Тот с готовностью кивнул.

– Я радирую на базу, и нам пришлют пару. Это займет весь остаток дня, так что можно уже начинать разбивать лагерь.

Наметив работу, каждый принялся за обустройство своей части стоянки на некотором расстоянии от реки. Развели огонь. Коуве собрал несколько свиных слив и орехов савари в окрестном лесу, а Манни тем временем, отправив Тор-Тора поохотиться, добыл острой и сетью несколько тропических форелей.

Часом позже над джунглями раздался грохот вертолетов, от которого птицы и обезьяны принялись верещать и метаться между деревьями. Три машины сели на воду, откуда их потом подтянули канатами к берегу. Они были нагружены самонадувными плотами с небольшим лодочным мотором у каждого. Рейнджеры окрестили их «ездовыми калошами». Когда солнце село, у прибрежных деревьев оказались причалены три черные резиновые моторки, готовые к завтрашнему путешествию.

Пока рейнджеры трудились, Нат устроил себе гамак и теперь сноровисто растягивал вокруг москитную сетку. Видя замешательство Келли, никак не справлявшейся с устройством ночлега, он поспешил на выручку.

– Надо добиться того, чтобы сеть нигде не соприкасалась с гамаком, иначе ночью вас будут кусать через ткань.

– Ничего, я сама, – проговорила она, страдальчески морщась.

– Давайте покажу.

С помощью камешков и принесенного рекой топляка Нату удалось закрепить концы сети на расстоянии, образовав вокруг постели шелковистый полог.

Фрэнк тем временем тоже сражался со своим снаряжением.

– Нет, ну почему нам нельзя спать в мешках? До сих пор с ними было отлично.

– Только не в джунглях, – возразил Нат. – Если будете спать на земле, утром проснетесь с такими соседями – хуже не придумаешь. Змеи, ящерицы, пауки, скорпионы. Впрочем, можете попробовать.

Фрэнк поворчал и продолжил бороться с веревками.

– Отлично, буду спать в чертовом гамаке. Но зачем эта сетка? Нас ведь и так днем ели москиты.

– Ночью в тысячу раз хуже. Если клопы не высосут досуха, то вампиры помогут.

– Вампиры? – переспросила Келли.

– Летучие мыши. Их тут полно. По ночам даже по нужде придется ходить осторожно. Они нападают на все теплокровное.

Глаза Келли заметно округлились.

– Вас прививали от бешенства? – спросил ее Нат.

Она, подумав, кивнула.

– Отлично.

Келли оглядела постель, сооруженную совместными усилиями, и повернулась к нему. Их лица оказались всего в нескольких сантиметрах друг от друга, когда Натан встал на ноги.

– Спасибо.

Нат был вновь поражен, увидев ее глаза – изумрудные с золотистым оттенком.

– Не... не за что. – Он подался к огню и заметил, что все собираются на ранний ужин. – Посмотрим, что у нас с едой.

Атмосфера у костра накалялась, и совсем не от пламени. Подойдя, Нат застал Манни и Зейна в момент перепалки.

– Как можно ратовать за отмену ограничений на вырубку леса? – возмущался Манни, помешивая рыбное филе на сковороде. – Ничто так не уничтожает дождевые леса, как промышленные вырубки. А в Амазонии мы теряем по акру каждую секунду.

Ричард Зейн восседал на бревне, сняв свой пиджак защитного цвета. Он закатал рукава, видимо готовясь к драке.

– Эти цифры сильно преувеличены экологами. Их составляли неучи, которым хотелось скорее напугать, чем просветить. Более точные данные, полученные со спутников, показывают, что девяносто процентов бразильских лесов остаются нетронутыми.

Манни был готов взорваться.

– Даже если темпы уничтожения преувеличены, как вы утверждаете, все равно то, что утрачено, уже не вернуть. А мы каждый день теряем сотни видов растений и животных. Безвозвратно теряем.

– Это вы так говорите, – сдержанно возразил Ричард Зейн. – Утверждение, что тропический лес не дает поросли после вырубки, есть не более чем устаревший миф. После восьми лет лесозаготовительных работ в джунглях Индонезии скорость восстановления флоры и фауны превзошла все ожидания. То же справедливо и для здешних лесов. В восьмидесят втором году шахтеры расчистили обширную полосу в сельве западной Бразилии. Пятнадцать лет назад ученые обнаружили, что поднявшийся, вторичный лес фактически идентичен первичному. Практика подтверждает, что обоснованная вырубка леса допустима и человек вполне может сосуществовать с природой.

Нату очень захотелось ввязаться в спор. Неужели этот тип смеет защищать уничтожение леса?!

– А как же крестьяне, которые выжигают целые массивы под пастбища и огороды? Их вы тоже поддержите?

– Разумеется, – отвечал Зейн. – На севере Штатов считается даже нормальным периодическое выжигание леса. Оно помогает развитию. Какая разница, там или тут? Когда вид-доминант исчезает под действием вырубки или пожаров, виды-заместители получают возможность для роста, которой у них раньше не было. А ведь именно эти виды наземных растений и кустарников так ценятся фармацевтами. Так чем плохи небольшие пожары и вырубки? Все от них только выигрывают.

В наступившей звонкой тишине раздался голос Келли:

– Вы не учитываете воздействие на природу в целом, вроде парникового эффекта. Разве тропические леса, или, как их часто называют, «легкие планеты», не основной источник кислорода в мире?

– Боюсь, название себя не оправдало, – печально произнес Зейн. – Новейшие исследования с помощью метеоспутников показали, что доля кислорода, производимого лесами, очень низка, если не сказать ничтожна. Это замкнутый мир. Пока лиственный полог активно производит кислород, процессы горения внизу его почти полностью потребляют. В результате суммарный выход равняется нулю. Опять же единственными зонами положительной продукции являются вторичные леса, где молодой подрост обильно выделяет кислород. Получается, что контролируемое сведение лесов идет на пользу атмосфере.

Натан слушал, попеременно обуреваемый сомнением и гневом.

– А что же с теми, кто живет в лесу? За последние полвека туземное население сократилось с десяти миллионов до двухсот тысяч, даже больше. Скажете, тоже на пользу?

Ричард Зейн покачал головой.

– Конечно нет. Это-то и есть настоящая драма. Когда старый шаман умирает, не оставив преемника, мир теряет великое множество невосполнимых знаний. В этом одна из причин того, что я продолжаю направлять средства на вашу работу среди малочисленных племен. Такой труд неоценим.

Натан прищурился, чуя подвох.

– Но ведь люди и лес тесно связаны. Пусть ваши доводы верны, однако с уничтожением леса исчезают некоторые виды. С этим-то вы не поспорите?

– Нет. И все же сторонники «зеленых» сильно преувеличивают потери.

– Даже один-единственный вид может иметь значение. Например, мадагаскарский барвинок.

Зейн порозовел.

– Это скорее исключение, чем правило. Едва ли вы думаете, что такие находки случаются сплошь и рядом.

– Мадагаскарский барвинок? – недоуменно переспросила Келли.

– Розовый барвинок с Мадагаскара служит сырьем в производстве двух мощных противораковых препаратов – винбластина и винкристина.

Келли задумчиво процитировала:

– Применяются при лечении болезни Ходжкина, лимфом, а также в детской онкологии.

Натан кивнул.

– Да, и спасают тысячи детей ежегодно. Растение, подарившее миру эти ценнейшие вещества, у себя на родине числится исчезнувшим. Что, если бы его свойства вовремя не раскрыли? Сколько детей еще погибло бы?

– Как я уже сказал, барвинок – редкая находка.

– Откуда вам знать? Все ваши рассуждения о статистике, спутниках и так далее не стоят одного факта: каждый вид по-своему ценен. Кто знает, какие лекарства будут потеряны из-за бесконтрольного сведения леса? Какое растение может содержать лекарство от СПИДа? Или диабета? Или тысяч разновидностей рака, одолевающих человечество?

– А может, и для отращивания конечностей, – многозначительно добавила Келли.

Зейн помрачнел и уставился на огонь.

– Кто знает?

– Вот и я о том, – подытожил Нат.

Фрэнк подошел к костру. Казалось, его не интересовал горячий диспут, свидетелем которого он стал.

– Ты сожжешь рыбу, – произнес он, показывая на струйку дыма, поднимающуюся от брошенной сковородки.

Манни встрепнулся и сдернул сковороду с огня.

– Хвала прагматизму мистера О’Брайена, не то давиться бы нам всем сухим пайком.

Фрэнк подтолкнул Келли.

– Олин почти наладил спутниковую передачу для ноутбука. – Он сверился с часами. – Через час должны будем связаться с нашими.

– Хорошо. – Келли посмотрела туда, где Олин Пастернак сутился у спутниковой тарелки с подключенным компьютером. – Возможно, результаты вскрытия Джеральда Кларка дадут нам что-нибудь новое. То, что может оказаться полезным.

Нат прислушался. Должно быть, он слишком долго смотрел на огонь. У него вдруг возникло предчувствие, что всем им стоило довериться старому шаману и сжечь тело. Как верно

заметил Ричард Зейн, индейцы больше, чем кто-либо, смыслят в лесных порядках и настроениях. «На боэзи, инги сабе ала сани» – «В своем лесу индеец знает обо всем».

Солнце село. Нат оглянулся на темнеющий лес. Когда джунгли оживали в перекличке сильных уханий и одиноких воплей, легенды дремучего леса обретали форму и плоть. Все казалось возможным в этих забытых местах – даже проклятие бан-али.

5

СТВОЛОВЫЕ КЛЕТКИ

7 августа, 17 часов 32 минуты

Институт «Инстар»

Лэнгли, штат Виргиния

Лорин О'Брайен согнулась над микроскопом, когда ее потревожил звонок из морга. Чертыхнувшись, она поднялась со стула, вернула очки со лба на нос и нажала кнопку громкой связи.

– Гистология.

– Доктор О'Брайен, думаю, вам следует спуститься и взглянуть.

Голос принадлежал Стэнли Гиберту, судебному патологоанатому из университета Джона Хопкинса и коллеге по «Медее». Его пригласили освидетельствовать останки Джеральда Кларка.

– Я в некотором роде занята с пробами тканей. Только что села их смотреть.

– Как насчет поражений ротовой полости?

Лорин вздохнула.

– Ваша гипотеза подтвердилась. Плоскоклеточная карцинома. Судя по высокой митотической активности и слабой дифференциации клеток, мы имеем дело с первой группой опухолей. Худшей из того, что я видела.

– Стало быть, язык жертве никто не отрезал. Его сгноил рак.

Лорин едва не передернуло, несмотря на долгую практику. Рот мертвеца изобилдовал метастазами. От языка остался лишь окровавленный сгусток, изъеденный карциномой.

Впрочем, на этом патологии не заканчивались. Во время вскрытия обнаружилось, что все тело покойного было поражено огромным числом опухолей на различных стадиях: рак проник в легкие, печень, почки, селезенку, поджелудочную... Лорин взглянула на стопку стекол, подготовленных для анализа, – препаратов опухолевых тканей и вытяжек костного мозга.

– Когда, по-вашему, начал развиваться рак ротовой полости? – спросил патолог.

– Трудно сказать наверняка. По моим оценкам, шестью-восемью неделями раньше.

На том конце линии удивленно присвистнули.

– Чертовски быстро!

– Знаю. Больше того, осмотр остальных образцов показал сходные сроки развития. Я не нашла ни одной опухоли старше трех месяцев. – Она взглянула на стопку. – Впрочем, осталось еще несколько непроверенных образцов.

– А что у нас с тератомами?

– То же самое. Все в возрасте от одного до трех месяцев. Но...

Доктор Гиберт прервал ее:

– Бессмыслица какая-то. Никогда не видел столько опухолей у одного трупа. Тем более тератом.

Лорин было понятно его удивление. Тератомы представляли собой кистозные образования, состоящие из эмбриональных стволовых клеток, тех самых зародышевых клеток, что способны трансформироваться в любую ткань тела – мышцы, волосы, кости. Опухоли, образованные стволовыми клетками, характерны лишь для некоторых органов – яичек или вилочковой железы. В теле агента Кларка они были повсюду, что и поражало.

– Стэнли, здесь не просто тератомы, а тератокарциномы.

– Что, все сразу?

Она кивнула.

– Все до единой.

Тератокарциномой называли злокачественную форму тератомы, опухоль, образующую беспорядочное смешение элементов мышц, костей, зубов, волос и нервов.

– Первый раз с таким сталкиваюсь. В некоторых участках я находила частично сформированную печень, семенную ткань, даже нервные узлы.

– Что ж, это в некотором роде объясняет нашу находку, – сказал Стэнли.

– Вы о чем?

– Видимо, придется мне еще раз пригласить вас спуститься и посмотреть на все собственными глазами.

– Отлично, – устало выдохнула Лорин. – Сейчас буду.

Она отключила микрофон и, отодвинувшись от стола с микроскопом, потянулась, чтобы размять спину от двухчасового сидения за образцами. Решила было позвонить мужу, однако передумала: у него в управлении наверняка не меньше забот. Через час они все равно встретятся во время конференции с Келли и Фрэнком.

Лорин схватила лабораторный халат и по лестнице спустилась в институтский морг. В ее душе росло беспокойство. Вскрытие трупов до сих пор вызывало тошноту. Ей куда больше подходила чистота гистологической лаборатории, нежели анатомичка с костепилками, весами и столами из нержавеющей стали. Но сегодня выбирать не приходилось.

Направляясь к двустворчатой двери у дальнего конца длинного зала, она, чтобы отвлечься, принялась размышлять над загадочной историей Джеральда Кларка. Четыре года его считали пропавшим без вести, пока он не вышел из джунглей с новой рукой, несомненным чудом медицины. Однако его тело в противоположность руке было изъедено опухолями – результат всплеска канцерогенеза, который начался не раньше трех месяцев назад. В чем причина бурного разрастания опухолей? Почему оказалось так много ужасающих тератокарцином? И наконец, где, черт возьми, Джеральд Кларк пропадал все эти годы?

Лорин покачала головой. Ответы еще только предстояло найти, но она верила в современную науку. Ее ли исследованиями или полевой работой близнецов, тайна будет раскрыта.

Лорин толкнула дверь раздевалки, натянула поверх туфель бахилы, натерла ноздри дезодорирующим составом и надела хирургическую повязку. Закончив приготовления, она вошла в анатомичку.

То, что она увидела, напоминало плохой фильм ужасов. Тело Джеральда Кларка лежало на столе, распластанное, словно лягушка на уроке биологии. Внутренности были вынуты и частью рассованы в мешки с маркировкой биологической опасности, частью уложены на стальные весы. По всей комнате стояли емкости с образцами, залитые формалином и жидким азотом. В итоге все они попадут к Лорин в наилучшем для нее виде – аккуратными стеклышками с бирками, окрашенными и готовыми к изучению.

Едва Лорин вошла, как сквозь ментоловую массу пробились более острые запахи – хлорки, крови, внутренностей, трупных газов. Теперь она старалась вдыхать ртом.

Вокруг суетились мужчины и женщины в залитых кровью передниках, безразличные к жуткому зрелищу. Их действия были выверенны и слаженны, настоящая мистерия смерти профессионалов-медиков.

Один из них, высокий и тощий, поднял руку и помахал Лорин.

Она кивнула и направилась к нему мимо одной из сотрудниц. Та наклонила поднос и отправила печень Джеральда Кларка в пакет для отходов.

– Что ты нашел, Стэнли? – спросила Лорин, приблизившись к столу.

Доктор Гиберт ткнул пальцем.

– Хочу, чтобы вы взглянули на это, прежде чем мы удалим.

Они стояли у головного конца наклонного стола с телом Джеральда Кларка. Кровь, желчь и прочие жидкости стекали по желобкам в противоположный конец, а оттуда – в ведро-при-

емник. Прямо перед ними лежала голова Кларка с распиленной черепной коробкой и выступающим мозгом.

– Смотрите, – произнес Стэнли, наклоняясь к лиловым полушариям.

Патологоанатом осторожно отделил пинцетом мозговые оболочки, словно приоткрывая занавес. Под пленками отчетливо виднелись складки и извилины коры, покрытые темной сетью артерий и вен.

– Мы обнаружили это, когда отделяли мозг от черепной коробки.

Доктор Гиберт раздвинул полушария. В желобке между ними лежал сгусток размером с грецкий орех. Похоже, он увенчивал мозолистое тело, белесый тяж нервных путей и кровеносных сосудов, соединяющий полушария.

– Я никогда не видел ничего подобного.

Стэнли дотронулся до образования пинцетом.

– Господи! – Лорин так и подскочила: сгусток дрогнул от прикосновения. – Оно... оно шевелится!

– Невероятно, правда? Вот почему я хотел вам его показать. Я как-то читал об этом свойстве тератомических образований – способности реагировать на раздражители. Наблюдали один случай, когда сильно дифференцированная тератома с элементами сердечной мускулатуры сокращалась подобно сердцу.

Лорин обрела голос:

– Но ведь Джеральд Кларк умер две недели назад!

Стэнли пожал плечами.

– Мне видится, при такой локализации она должна содержать большое число нейронов. Большая часть из них, вероятно, все еще в состоянии отвечать на раздражители. Подозреваю, что скоро мы не сможем наблюдать эту реакцию, так как нервы потеряют тургор и мышечные волокна израсходуют весь запас кальция.

Лорин поглубже вздохнула, чтобы собраться с мыслями.

– Пусть так, но для развития рефлекса сгусток должен быть крайне высокоорганизован.

– Несомненно... организация есть. Я сделаю препараты при первой же возможности.

Просто подумал, вы захотите сначала осмотреть его вживую.

Лорин кивнула, переведя взгляд с мозговой опухоли на руку покойника. Внезапно ее осенило.

– Интересно, – пробормотала она вслух.

– Что?

Ей снова представился дрогнувший сгусток.

– Большое количество тератом и степень развития одной из них могут помочь нам раскрыть механизм, благодаря которому Кларк получил новую руку.

Патолог прищурился.

– Что-то я не улавливаю...

Лорин посмотрела на него, радуясь шансу отвести взгляд от обезображенного тела.

– Я хочу сказать следующее – разумеется, это всего лишь догадки, – что, если новая рука есть не что иное, как очередная тератома, развившаяся в полноценную конечность?

Стэнли вскинул бровь.

– Как результат направленного канцерогенеза? Живая, действующая опухоль?

– Почему бы нет? Это очень похоже на наше собственное развитие. Наши тела сформировались из одной оплодотворенной яйцеклетки путем ускоренной пролиферации², напоминающей раковую. Только все эти клетки дали начало соответствующим тканям. Не в этом ли цель изучения стволовой клетки – открыть механизм направленного роста? Что заставляет

² Проллиферация – разрастание ткани животного или растительного организма путем размножения клеток.

одну клетку становиться клеткой костной ткани, а соседнюю с ней – мышечной или нервной? – Лорин смотрела на распростертое тело Джеральда Кларка, но не испуганно, а удивленно. – Быть может, мы стоим на пути к разгадке.

– А если нам удастся выявить закономерность...

– Это положит конец раковой эпопее и вызовет переворот в современной науке.

Стэнли покачал головой.

– Тогда будем молиться, чтобы ваши сын и дочь преуспели в поисках.

Лорин кивнула и направилась через морг к выходу. Она посмотрела на часы. Кстати о Фрэнке и Келли: подходило время переговоров. Время сверять данные. Она бросила последний взгляд на то, что осталось от Джеральда Уоллеса Кларка.

– Что-то там есть, в этих джунглях, – пробормотала она сама себе. – Только вот что?

7 августа, 20 часов 32 минуты

Джунгли Амазонии

Келли стояла поодаль от остальных, пытаясь переварить новости, полученные от матери. Она глядела на лес, звенящий серенадами бесчисленных кузнечиков и речных лягушек. Свет костра лишь немного рассеивал тьму, растворяясь в густой лесной мгле.

Джунгли хранили свои тайны.

На переднем плане сгрудилась кучка рейнджеров, занятых установкой системы датчиков движения. Лазерная сетка, наведенная по периметру лагеря, была призвана защитить их от крупных лесных хищников, если тем вздумается незаметно подкрасться.

Келли устремила взгляд за ограду, в темноту леса.

Что там пришлось пережить агенту Кларку?

Чей-то голос раздался у самого плеча Келли, заставив ее вздрогнуть:

– В самом деле, ужасная новость.

Келли обернулась и увидела рядом профессора Коуве. Сколько же он тут простоял? Шаман явно не утратил врожденной способности бесшумно передвигаться по лесу.

– Д-да, – пробормотала она. – Очень неприятная.

Коуве вытащил трубку и принялся набивать ее табаком, а затем раскурил, взметнув сноп искр.

Их окутало облако едкого табачного дыма.

– Как вам гипотеза вашей матери насчет того, что опухоли могут иметь отношение к регенерированной руке?

– Интригующе... быть может, не без оснований.

– То есть?

Келли потеряла переносицу, собираясь с мыслями.

– Перед тем как приехать сюда, я проштудировала кое-какую литературу по теме регенерации. Хотела подготовить себя ко всему, что бы мы ни нашли.

– Хмм... Весьма разумно. Когда идешь в джунгли, знания и подготовка могут решить, жить тебе или умереть.

Келли кивнула и продолжила свою мысль, радуясь возможности выразить ее, заронить в кого-то другого.

– Работая с источниками, я наткнулась на интересную статью в «Анналах Национальной академии наук». В тысяча девятьсот девяносто девятом году команда филаделфийских ученых вырастила колонию мышей с поврежденной иммунной системой. Мыши предназначались для изучения СПИДа и рассеянного склероза. Но когда начали ставить опыты, вдруг проявился необычный феномен.

Коуве живо повернулся к ней, вскинув бровь.

– Какой же?

– Ученые пробивали отверстия в мышинных ушах – обычный способ маркировки лабораторных животных – и заметили, что ранки зарастали с удивительной скоростью, совершенно не оставляя следов. Они не просто зарубцовывались, а наращивали хрящ, сосуды, кожу, даже нервы. – Келли выдержала паузу и продолжила: – Это открытие побудило главу исследовательской группы, доктора Элен Гебер-Кац, поставить другую серию опытов. Она ампутировала мышам хвосты, и они отрастали. Перерезала зрительный нерв – тот восстанавливался. Даже иссеченная часть спинного мозга сформировалась заново менее чем за месяц. Такая регенеративная активность у млекопитающих отмечалась впервые.

Коуве вынул изо рта трубку.

– И чем это объясняется?

Келли тряхнула головой.

– Единственное отличие опытных мышей от остальных заключалось в повреждении иммунной системы.

– Где же здесь связь?

Келли едва сдержала улыбку. Приятно было поговорить на любимую тему, особенно со столь проникательным собеседником.

– Мы знаем, что у животных, известных своей способностью к регенерации, – иглокожих, амфибий и рептилий – иммунная система если и развита, то на зачаточной стадии. Исходя из этого, доктор Гебер-Кац предположила, что миллиарды лет назад эволюция млекопитающих пошла по пути уступки. Чтобы защититься от рака, им пришлось пожертвовать способностью заново отращивать конечности. Видите ли, наша сложная иммунная система устроена таким образом, что подавляет неадекватное размножение клеток, каковым и является рак. С одной стороны, это выгодно, с другой – тот же механизм не дает телу регенерировать утраченную конечность. Иммунная система реагирует на размножение малодифференцированных клеток, необходимое для регенерации, как на канцерогенез, и устраняет его.

– Стало быть, иммунная система – наше спасение и проклятие.

Келли задумчиво смотрела в одну точку.

– Если только не выключить ее чем-то на время. Как у мышей в опыте.

– Или как у Джеральда Кларка? – Коуве пристально посмотрел на нее. – Вы ведь предполагаете, что нечто отключило его иммунную систему, позволив руке вырасти заново, и тот же феномен привел к массовому развитию опухолей?

– Возможно. Однако на деле бывает гораздо сложнее. Каков механизм? Почему все опухоли развились столь стремительно? – Она покачала головой. – Еще важнее другое: что дало толчок переменам?

Коуве мотнул головой в сторону леса.

– Если такой фактор и существует, он должен быть там. Три четверти всех современных противораковых средств получены из лесных растений. А почему нет растения с обратными свойствами – того, чьи компоненты вызывают рак?

– Биоканцерогена?

– Да, но с благоприятным побочным эффектом... вроде регенерации.

– Звучит невероятно, однако, с учетом состояния Кларка, возможно всякое. По моей просьбе физиологи из «Медей» проверят состояние иммунной системы Джеральда Кларка и его опухолей. Может, что-нибудь да прояснится.

Коуве выпустил долгую струю дыма.

– Каков бы ни был ответ, он придет не из лаборатории. На этот счет я не сомневаюсь.

– Тогда откуда?

Не говоря ни слова, Коуве указал зажженным концом трубки в темноту джунглей.

Тянулись часы. Чуть дальше в лесу затаилась чья-то обнаженная фигура – едва не у самой кромки, освещенной пламенем костра. Сухощавое тело лазутчика было раскрашено мудреным черно-синим узором с помощью сажи и сока плодов ме-ну, превращая его в живое воплощение сумерек.

С самой вечерней зари он следил за пришельцами. Джунгли научили его быть терпеливым. Как все тешари-рин, следопыты племени, он знал, что успех зависит не столько от действий, сколько от умения ждать.

Всю ночь нес свою вахту темный соглядатай за лагерем. Скорчившись, он разглядывал великанов, от которых так и разило непохожестью, пока те кружили и кружили, обходя свое стойбище. Язык их был чуден, но еще чуднее выглядела одежда.

Замерев на месте, лазутчик изучал повадки врага.

Как-то ему на запястье, увязшее в земле, забрался сверчок. Не сводя глаза с лагеря, туземец смотрел, как создание трет одной лапкой о другую, заводя свою сверчковую трель.

Предвестье зари.

Оставаться дольше нет нужды. Он плавно поднялся – движение было столь быстрым и тихим, что сверчок так и остался сидеть на вытянутой руке, по-прежнему наигрывая пред-рассветную песню. Человек поднес руку к губам и сдул удивленного музыканта с необычной сцены.

Бросив последний взгляд на лагерь, индеец растворился в джунглях. Его тренировали бегать по лесным тропам, не потревожив и травинки. Наблюдатель знал, что ему предстоит совершить.

Смерть заберет всех, кроме избранника.

6 АМАЗОНСКИЙ ФАКТОР

11 августа, 15 часов 12 минут

Джунгли Амазонии

Нат держал палец на спусковом крючке, направив дуло дробовика перед собой. Двадцатифутовый крокодил – дело нешуточное. Этот образчик принадлежал к виду черных кайманов *Melanosuchus niger*, королей среди чешуйчатых хищников Амазонки и ее притоков. Развалившись на илистом пляже, он нежился в жарких лучах полуденного солнца. Темная броня тускло поблескивала, пасть щерилась неровными желтоватыми зубами, почти с Натову ладонь. Выпуклые глазищи в обрамлении щитков казались совершенно черными, холодными и безжизненными – глаза доисторического монстра.

Неподвижный, как утес, кайман будто бы не замечал приближения флотилии.

– Он нападет на нас? – прошептала из-за спины Келли.

Нат пожал плечами, не оборачиваясь.

– По ним не поймешь. Надеюсь, если мы его не тронем, то и он нас не тронет.

Нат сидел на носу средней моторки. Вместе с ним плыли О’Брайены, Ричард Зейн и Анна Фонг. Единственный солдат среди них, капрал Окамото, правил небольшим мотором на корме. Этот приземистый азиат завел привычку почти непрерывно насвистывать, что превратило четырехдневное плавание по широкому притоку в адскую пытку. Хорошо, хоть присутствие чудища на берегу избавило всех от его фальшивого свиста.

Передняя лодка продрейфовала мимо каймана, прижавшись к противоположному берегу. Весь ее правый борт оцетинился дулами М-16, нацеленными в речного хищника.

Экипаж каждой моторки состоял из шести человек. В авангарде шла лодка с тремя солдатами и второй группой штатских – профессором Коуве, Олином Пастернаком и Манни, который расположился посередине вместе со своим ягуаром. Тор-Тор уже плавал на лодках и явно благоволил к такому способу передвижения, томно подрагивая хвостом, прислушиваясь и приглядываясь сквозь полудрему. Замыкала процессию лодка с шестью рейнджерами, ведомая капитаном Ваксманом.

– Пристрелить бы эту тварь, – произнес Фрэнк.

Нат обернулся к нему.

– Нельзя – исчезающий вид. В прошлом веке их почти полностью истребили. Только недавно популяция начала восстанавливаться.

– Почему-то меня это не радует, – буркнул Фрэнк, глядя на водную гладь.

Он натянул бейсболку по самые глаза, как будто хотел под ней спрятаться.

– Сами они каждый год убивают сотнями, – пробормотал Зейн, сидя на корточках у надувного борта. – Топят лодки, нападают на все, что движется. Я читал об одном черном каймане, в чьем желудке нашли два лодочных мотора, проглоченных целиком. Здесь я всецело на стороне мистера О’Брайена. Пара точных выстрелов...

В этот момент первая лодка прошла мимо лежанки чудовища. Та, в которой сидел Нат, отправилась следом, медленно увлекаемая мутным потоком. Сзади ревел мотор.

– Потрясающе, – произнес Нат, проходя всего в десяти метрах от крокодила. Вблизи тот смотрелся настоящим гигантом, пришельцем из другой эпохи. – Чертовски хорош.

– Самец, если не ошибаюсь? – спросила Анна Фонг, разглядывая монстра с живым интересом.

– Похоже на то, если судить по гребням и форме ноздрей.

– Тсс! – шикнул на них Фрэнк.

– Он шевелится! – взвизгнула Келли, отскакивая в дальний конец лодки.

Ричарда Зейна смахнуло туда же.

Бронированная морда медленно качнулась лодке вослед.

– Он просыпается, – сказал Фрэнк.

– Да он и не спал, – поправил его Нат, когда лодка миновала опасный участок. – Просто хотел рассмотреть нас поближе, так же как и мы его.

– Черта с два он мне нужен, – ворчал Фрэнк, радуясь тому, что чудовище осталось позади. – Да и вообще, шел бы он...

Тут гигантский кайман встрепенулся, молниеносно скользнул по грязи в бурюю воду и исчез без единого всплеска. Третью лодку как раз проносило мимо него. Солдаты несколько раз пальнули с борта, но проворство и поспешность, с какой нырнул крокодил, застали их врасплох. Когда пули изрешетили заиленный берег, его уже не было.

– Не стреляйте! – закричал Нат. – Он уходит!

Ничто не держало каймана на берегу, поэтому его первым порывом было избежать неизвестного. Если только он не расsvирепел, почувствовав угрозу.

Один из рейнджеров, рослый черный капрал по имени Родни Грейвз, высунулся по пояс из лодки, глядя под воду с дулом на изготовку.

– Не видать ни...

Все произошло в мгновение ока. Третья лодка взвилась почти на метр в воздух. Нат едва успел заметить толстый чешуйчатый хвост. Стоявший на краю рейнджер полетел за борт, остальные вцепились руками в ремни и удержались на месте. Лодка с плеском ударилась о воду.

Капитан Ваксман скорчился у рулевого мотора.

– Грейвз!

Голова капрала вынырнула на поверхность в десяти метрах от тройки лодок, ниже по течению. Шляпу смыло водой, но винтовка все еще была у него в руках. Капрал начал грести к ближайшей моторке. Позади него, точно подлодка, всплыла голова крокодила с черными перископами глаз.

Рейнджеры вскинулись, чтобы прицелиться, но напрасно – кайман погрузился обратно прежде, чем кто-либо успел выстрелить.

Нат представил себе, как огромная тварь загребает хвостом, поднимается из мутных глубин к барахтающемуся на поверхности солдату, привлеченная мельтешением рук и ног...

– Вот черт, – ругнулся он про себя, а вслух закричал что есть мочи: – Капрал Грейвз! Замрите! Не двигайтесь!

Никто его не услышал. Именно в эту секунду все вопили капралу, чтобы тот поторапливался. Плеск и паника только усилились. Капитан Ваксман развернул моторку, пытаясь добраться до перепуганного пловца.

Нат снова крикнул:

– Замрите на месте!

В конце концов он отшвырнул ружье и бросился в воду – не столько из-за отваги, сколько от отчаяния, что никто его не слышит. Он плавно скользил под водой, пытаясь что-нибудь увидеть перед собой, однако мутная толща давала лишь метр видимости, скрадывая остальное. Натан ударил ногами и сделал гребок, позволив инерции и стремнине нести себя. Еще под водой он услышал шум мотора последней лодки, уходящей влево.

Нат изогнулся и вынырнул. Родни Грейвз был всего в метре справа от него.

– Капрал Грейвз! Не гребите ногами! Надо прикинуться мертвым.

Нат, в свою очередь, старался не шевелиться, полулежа на спине. Капрал повернулся к нему с расширенными от страха глазами.

– Иди ты! – прокричал он, судорожно хватая ртом воздух.

Его руки и ноги неистово лупили по воде. Спасительная лодка была всего в трех метрах от них. Остальные уже протягивали руки, стремясь вытащить солдата наружу.

Внезапно Нат почувствовал, как что-то большое и быстрое проскользнуло между ним и капралом.

Господи, помоги!..

– Грейвз! – завопил он в последний раз.

Один из спасателей – Нат узнал в нем брата тонущего капрала, Томаса Грейвза, – перенулся через надувной борт моторки. Двое помощников держали его за ремень. Том вытянул обе руки, устремившись всем телом вперед. Его лицо исказилось от страха за брата.

Родни оттолкнулся ногами и вырвался вперед, протянув руку с растопыренными пальцами.

Том ухватил ее.

– Есть! – завопил он остальным.

Мышцы на его руке напряглись, как стальные канаты.

Два солдата рванули Тома назад, когда тот подтягивал брата к себе. Свободной рукой он впился в полевую куртку Родни, промокшую насквозь, и резко откинулся назад, выдергивая того из воды.

Родни шлепнулся животом на борт лодки и облегченно рассмеялся:

– Чертов крокодил!

Он извернулся, чтобы вытащить ноги из воды, и как раз в это время огромная разверстая пасть вырвалась на поверхность и захватила их по самые бедра. Челюсти сомкнулись на добыче мертвой хваткой и потащили ее обратно в пучину. Никто был не в силах противостоять усилиям монстра весом более тонны, вырвавшего Родни из рук брата. Мутные воды сомкнулись, и только отзвук его последнего крика все еще звенел над рекой. Рейнджеры стояли на коленях с винтовками в руках, но ни один так и не выстрелил. Целясь вслепую, любой мог попасть в жертву вместо убийцы. Их лица были красноречивее слов. До всех дошел жуткий смысл произошедшего: капрала Родни Грейвза больше нет в живых. Все видели размеры монстра и зубастую пасть, которая уволокла их товарища. Навсегда.

Это же знал и Нат.

Кайман утянет жертву на дно и будет держать до тех пор, пока она не захлебнется. Потом сожрет ее или припрятает под мангровым корнем, чтобы легче было разорвать на куски полуразложившуюся добычу.

Все кончено, капрала уже не спасти.

Нат по-прежнему держался на плаву, стараясь не шевелиться. Кайман, вероятно, был занят добычей, однако поблизости могли плавать и другие, тем более что течение наверняка разнесло запах крови. Нат не стал рисковать. Он осторожно перевернулся на спину и тихо поплыл, пока чьи-то руки не схватили его и не втащили обратно на борт. Там он оказался лицом к лицу с ошеломленным потерей Томом Грейвзом. Тот все смотрел на свои руки, как будто проклиная их за то, что не смогли удержать брата.

– Мне очень жаль, – проговорил Нат.

Том поднял глаза, и пораженный Нат увидел в них глухую злобу: ведь он-то, Нат, остался цел, в то время как брат принял страшную смерть. Капрал молча отвернулся.

Зато его начальник оказался куда менее сдержанным.

– Что вы там вытворяли, может, объясните? – Слова принадлежали капитану Ваксману, багровому от ярости. – Ведете себя как последний кретин! Вам что, жить надоело?

Нат смахнул мокрые пряди со лба. Уже второй раз за неделю он нырял в воду, чтобы кого-то спасти. Что ни говори, дурная тенденция.

– Я пытался помочь, – промямлил он в ответ.

Накал в голосе Ваксмана заметно ослаб.

– Нас прислали сюда защищать вас, а не наоборот.

Натова лодка подплыла к той, что несла рейнджеров. Он перебрался через борта и вернулся на свое место.

Восстановив порядок, капитан Ваксман махнул впереди сидящим, чтобы отправлялись. Взревели моторы.

Нат услышал, как Том Грейвз попытался возразить:

– Капитан, а как же мой брат... его тело...

– Его нет, капрал. Его больше нет.

Итак, тройка лодок продолжила путь. Нат уловил застывший взгляд профессора Коуве, сидевшего на другой моторке, и то, как он печально покачал головой. Даже военная тренировка и богатый арсенал не гарантируют защиты от джунглей. Если они захотят, то всегда сумеют взять свое. Это и называлось «амазонским фактором». Все, кто забредал в раскидистый зеленый шатер, становились его заложниками.

Нат почувствовал, как кто-то положил руку ему на колено. Он обернулся и увидел рядом с собой Келли.

Она смотрела невидящим взглядом в пространство, потом вздохнула и тихо сказала:

– Пусть это было глупо с вашей стороны, но... – Она посмотрела на Ната. – Вы хотя бы попытались.

После внезапной трагедии Нат не мог осилить даже ответный кивок, однако слова Келли помогли преодолеть холодное опустошение, которое он сейчас чувствовал. Она убрала руку.

Остаток дня прошел в тишине. Капрал Окамото больше не свистел, управляя мотором. Плыли почти до заката, будто стремились поскорее отдалиться от смерти Родни Грейвза.

Когда разбили лагерь, скорбную весть передали на базу в Ваувай. Уныние царило и за ужином, состоявшим из рыбы, риса и блюда лесного ямса, найденного профессором Коуве неподалеку от лагеря.

Единственной темой для разговора стал сладковатый ямс. Нат поинтересовался, где был собран столь обильный урожай.

– Редко удастся найти его в таких количествах.

Перед ужином профессор принес целый рюкзак (умело изготовленный из пальмовых листьев), набитый под завязку диким ямсом.

Коуве мотнул головой в сторону чащи.

– Думаю, я набрел на старый индейский сад. В том же месте росла пара деревьев авокадо и ананасовых розеток.

Келли так и замерла с поднятой вилкой.

– Индейский сад?

За последние четыре дня они не встретили ни единой души. Даже если Джеральд Кларк взял пирогу из деревни яномамо, ее расположение пока оставалось загадкой.

– Сад давным-давно заброшен, – пояснил Коуве, погасив тем самым надежду, которая зажглась у Келли в глазах. – Такие приречные делянки встречаются по всей Амазонии. Местные племена, особенно яномамо, ведут кочевой образ жизни. Сажают деревья, живут год-другой, а после уходят. Боюсь, эта находка для нас мало что значит.

– По крайней мере, лучше, чем ничего, – сказала Келли, не желая проститься с надеждой. – Знак того, что кто-то здесь все-таки есть.

– К тому же ямс чертовски хорош, – поддакнул Фрэнк с набитым ртом. – А то от риса меня уже тошнит.

Манни усмехнулся, зарывшись пальцами в ягуарову холку. Тор-Тор поужинал сомом приличных размеров и теперь растянулся у огня.

Неподалеку рейнджеры развели второй костер. На закате они помянули боевого товарища и сделались еще угрюмее, лишь изредка выдавливая слово-другое, хотя обычно их гогот и сальные шуточки слышались до самого отбоя и заступления на посты.

– Пожалуй, пора ложиться, – в конце концов произнесла Келли, поднимаясь на ноги. – Завтра еще один длинный день.

Согласное бормотание, зевки – и компания разошлась.

Возвращаясь с недолгой прогулки, Нат встретил профессора Коуве – тот курил у своего гамака.

– Профессор? – начал Нат, почувствовав, что Коуве хочет поговорить с ним с глазу на глаз.

– Пройдемся, пока рейнджеры не включили датчики движения.

Шаман повел Ната в лес. Тот пошел следом.

– Что там?

Коуве молча шагал, пока они не очутились в чаще. Два лагерных костра казались всего лишь двумя светляками, сияющими в подлеске. Наконец профессор остановился, глубоко затягиваясь из трубки.

– Зачем вы привели меня сюда?

Коуве щелкнул фонариком. Нат огляделся. Они стояли на небольшой прогалине, где росло лишь несколько деревьев – низкие хлебные деревца, фиги, апельсины. Подрост и кустарник здесь были необычно густыми, полностью устилая почву. Внезапно Нат понял, куда попал: в тот самый заброшенный сад. Он даже заметил пару бамбуковых кольев с подгоревшей верхушкой, воткнутых между растениями. Обыкновенно эти факелы заполнялись ток-ток порошком и поджигались во время сбора урожая в качестве дымной завесы от кровососов. Несомненно, здесь некогда потрудились индейцы.

Натан и раньше видел такие деланки во время своих амазонских странствий, но сейчас, ночью, рядом с одичавшими и заросшими грядками, ему начало казаться, будто лес полон призраков. Он почти ощущал на себе взгляды умерших индейцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.